

Маги начинают и выигрывают

Оля ОКОЛ

— ПРИЗРАКИ —
НЕ УМЕЮТ
ЛГАТЬ

Annotation

В книге, УВЫ, нет: 1. Ехидных девок, сующих нос куда надо и не надо. Разве что бабка-соседка со шваброй наперевес. 2. Эльфийских принцев, восхищающихся к месту и не к месту вставленными остротами. Есть пси-специалисты, спасающие людей от призраков, даже если это несет боль. 3. Суперспособностей, дабы громить врагов по поводу и без повода. Иногда способность оставаться человеком важнее любой магии. Вы еще не передумали? Тогда добро пожаловать в Империю камней! Землю, где души умерших не уходят в свет, а возвращаются. Не к тем, кто безутешен и готов отдать все за один взгляд, за одно прикосновение, а к тем, кто с ужасом ждет встречи, кто ярко горит в ночи осознанием собственной вины. К обидчикам, к ворам, обманщикам и убийцам. И только пси-специалисты стоят между требующими справедливости призраками и людьми. Только псионники. И еще камни.

Аня Сокол

Призраки не умеют лгать

© А. Сокол, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Глава 1

Блуждающие

Я провела пальцем по стеклу, на коже остался серо-белый след строительной пыли. Окна недавно поменяли, свалив у дверей мешки с мусором. На улице накрапывал мелкий моросящий дождик, оседаая на белом пластике выпуклыми капельками. За стёклами до самого горизонта, насколько хватало глаз, простиралось кладбище. Неровные ряды крестов и памятников, огороженных кривобокими, разномастными оградками, начинались сразу за объездной дорогой. Начинались и не заканчивались. Ворошки – самый большой и, что ещё важнее, единственный могильник в империи. Кому захочется тут жить?

Я улыбнулась и сделала на грязном полу пируэт. Ничто не могло испортить мне настроения. Не сегодня. Ремонт близился к завершению, скоро у меня будет своя, отдельная квартира, и плевать на то, что там за стеклом. Плевать на пятый, последний, этаж и отсутствие лифта, плевать на воняющий кошачьей мочой подъезд и угрюмых соседей.

Можно ли было предположить, что, приехав в маленький городок на краю империи, скромная учительница балльных танцев обзаведётся своей школой и квартирой? Правильно, нельзя. Их у меня и не было. Танцкласс мы открыли вместе с партнёром на базе местного Дома культуры, детей немного, но, сколько есть, все наши. А деньги на квартиру мне одолжили родители, желая избавить от прелестей коммунального проживания. Чудес не бывает.

В открытую створку влетел порыв чистого воздуха. Ветерок сделал круг по комнате, взметнул серую пыль и ринулся ко мне. Кожа похолодела, висевший на цепочке под одеждой голубоватый кристалл, наоборот, нагрелся и, слабо кольнув грудь, отразил атаку призрака.

Что сделали тебе живые, если твоя ярость не утихает и после смерти? Почему ты блуждаешь по миру? Слишком много мёртвых в нашем городе, людям с ними тесно.

Потянувшись к створке, я вновь ощутила озноб, призрак был настойчив. Кад-арт, как обычно, справился.

– Эилоза?

Ещё одна атака. Я со вздохом расстегнула рубашку, подцепила цепочку и сняла камень разума, положив на подоконник. Блуждающий тут же ударил вновь. Меня накрыла пси-атака – размытое видение короткого полёта и земля, принимающая сломанное тело в свои твёрдые объятия. Темнота.

Слабенько, навскидку интенсивностью онна [\[1\]](#) три, не больше. Образы только зрительные, ни чувств, ни ощущений.

– Что случилось?

Нет ответа. Эилоза сегодня хм... не в духе. Я отвернулась от окна, в тёмном проёме коридора появились сперва едва заметные, а потом всё более обретающие материальность очертания хрупкой женской фигуры.

Передо мной стояла девушка. Никакой полупрозрачности, никакой молочно-серой дымки, приписываемой призракам людьми. Обычная девчушка из плоти и крови... на вид. Блуждающие редко показываются живым. Во-первых, носящим кад-арт не доверяют, а во-вторых, при материализации они растрачивают силы и несколько дней не способны атаковать.

В стабильном состоянии призраки способны общаться почти как люди, то есть разговаривать, сидеть, ходить, брать предметы, пользоваться ими. Затруднения возникают при прямом физическом контакте с живыми. Учёные объясняют это излучением тела, биоритмом, несовместимым с условной формой блуждающих, который разрушает их временные оболочки.

Один раз из любопытства я взяла девочку за руку. Одну, две секунды всё было в порядке, лишь на ощупь несколько необычно, словно держишь птицу, мягкую, хрупкую, невесомую. А потом призрак лопнул, растёкся вязкой липкой субстанцией, как растаявшее желе. Хорошо, что жидкость без цвета и без запаха и, высыхая, не оставляет пятен или каких-то других следов, иначе уборки дня на два – вся комната была забрызгана.

Что случилось?

Более глупого вопроса блуждающему не придумать. Всё, что могло, с ним уже случилось. И теперь призрак четырнадцатилетней девчушки посещал меня с завидной регулярностью.

– Много чего.

– Рассказать не хочешь?

– Нет.

Будь на её месте обычная девчонка, я бы не приняла ответ. Но мёртвые всегда говорят правду. Они не лукавят, не набивают цену, не играют в игры. Значит, обычная повседневная ненависть той, что вернулась с того света, к той, что ещё не уходила.

– Ты... ты, – яростно прошипел призрак.

– Про себя я всё знаю, – я снова отвернулась. – Тебя я не убивала.

Дождь кончился, но похолодало ещё больше. Ночью подморозит, лужи покроются тонкой, юной паутинкой льда, хрупкого, готового сломаться от любого прикосновения.

Коммуналка встретила меня запахом щей, и, в отличие от тишины окраин, детским плачем и руганью Вариссы.

Старуха громогласно отчитывала местного алкоголика Сёму. Семафора. Если говорить честно, то от одного имени мужика неудержимо тянуло выпить, так что мы старались его не провоцировать.

– Что я тебе вчера говорила? Ась? Не слышу?

Сёма в ответ неразборчиво забурчал:

– А нечо по чужим окнам лазить. Во всем у тебя приبلудные виноваты!

Уважения к призракам бабка не испытывала, легко переименовав «блуждающих» в «приблудных», что, по её мнению, как нельзя лучше отражало привычки сущностей, вернувшихся с того света.

– Окстись, что люди-то подумают? Будут они твои байки слушать. Ленка – девчонка ещё молодая, ей замуж пора. А ты? Тьфу. Окаянный...

Длинный тёмный коридор был завешен непонятно чем. Треснувший таз, цинковое ведро, велосипед со спущенными шинами, сломанные лыжи, старая детская коляска. Хлам, беспорядочно развешенный на крупных ржавых гвоздях, ветошь, с непонятным трепетом хранимая годами и передаваемая по наследству неблагодарным потомкам.

Понять, из-за чего шум, несложно. Сёма по обыкновению, вернее, по пьяни решил вернуться к себе коротким путём. Не огибать бесконечный, похожий на кишку дом, а войти через окно, благо живём на первом этаже. Почему через моё? Потому что своё он давно

заколотил, правда, и сам не помнил зачем. Наши комнаты рядом, так что он не смущался пользоваться моим, но без особой наглости. Полагаю, тут он и наткнулся на блуждающую. Наверняка воем весь дом перепугал.

– Теська, уйми, наконец, мальчика! – рявкнула бабка.

Плач прервался, обрушив на уши ватную тишину, чтобы возобновиться с удвоенной силой.

– Нечо тама орать! – крикнули с противоположной стороны. – Напугали, а теперича права качают.

Дом! Милый дом.

Бабка тут же выглянула в коридор, словно по голосу не поняла, кто это у нас такой смелый. Очень захотелось спрятаться, нырнуть за приземистый ящик с картошкой.

Наша бабушка – носитель прозрачного колеманита, камня крепких как телом, так и духом. Кад-арт бойцов, лидеров, наставников. Тех, кому мой по природе своей вынужден подчиняться.

– Алленария, – умилилась Варя, словно увидев двухлетнюю малышку. – Я щей сварила. Мой руки, и обедать.

Сёма уныло сидел на полу между столами. Вообще-то мужик он здоровый, в смысле комплекции, даже в таком положении обросшая макушка возвышалась над столешницами.

Камень разума у Семафора редкий – оранжевый ванадинит. В переводе «телохранитель», как от угрозы извне, так и от саморазрушения. Если с первым кристалл справлялся блестяще (Сёма даже зимой под лёд проваливался, и ничего, выбрался, ни разу не чихнув), то со вторым были явные проблемы. Сосед пил основательно.

Сам мужик называл свой образ жизни протестом против общества, против предопределённости, сопровождающей всех жителей Империи Камней. Глупец. Протестуй не протестуй, а жить на земле, где покойникам не лежит в земле согласно записям в реестре, без кад-артов нереально. А уж какой камень тебя выберет: безликий или идентифицированный, – неведомо. Кому знать, как не мне, и ничего, живу потихоньку.

Я села к столу и поймала жалобный, голодный, а главное, абсолютно трезвый взгляд Сёмы.

– Баб Варь.

Варисса словно ждала этой просьбы. Повернувшись, она грохнула о стол ещё одну тарелку. Несколько капель оставили некрасивые отметины на бежевой клеёнке. Сосед тут же пристроился рядом.

– Жалеешь? – принялась рассуждать бабка. – Не жалей. Ославит на весь дом, плакать будешь. Опять через окно лазил. Дверь-то зачем нужна? Тебя спрашиваю, – она отвесила мужику подзатыльник.

Сёма никак не отреагировал на рукоприкладство, разве что прихлёбывать стал интенсивнее.

– И всё равно хорошего мало. Здоровый лоб, вечером, да к девице...

Польщённый Сёма неразборчиво хрюкнул, заслужив ещё один подзатыльник. Я пожала плечами. Вот было бы хорошо, может, парни шарахаться перестанут. Хотя вряд ли, кад-арт любые слухи пересилит.

– Он у тебя пузырь разбил, – грустно сказала Варисса. – Вонища теперь.

Я вопросительно подняла бровь. Семафор с болью в глазах кивнул.

– А всё твоя приبلудная... – запал у бабки прошёл, и она присела рядом, задумчиво

подперев щёку кулаком. – А может, брешет?

Мужик возмущённо дёрнулся, но промолчал, вовремя втягивая голову в плечи, и хрупкая морщинистая рука загребла воздух.

– Ленка, хвост ведь на всю жизнь, – грустно заметила Варисса.

Я с сомнением посмотрела на соседа, но тот не отвлекался от тарелки. Что-то тут не сходилось: Эилоза была со мной. Даже призрак не может находиться в двух местах одновременно. С кем столкнулся сосед и кого испугался? Бабка права, это хвост. Но он у меня один.

Звонкий стук ладошек об пол отвлёк её от тягостных раздумий. В кухне появился годовалый Арти. Фиолетовый камешек волочился по полу на простой белой верёвке. Мы не заметили, как стих плач. Стоя на четвереньках, Арти оглядел кухню и тут же сосредоточился на более важном, а именно вытягивании провода из-за стола.

– Теська, – бабка подхватила мальчика на руки и вышла в коридор. – Ты будешь заниматься ребёнком или нет?

Ответили ей нецензурно – Варя в долгу не осталась, похоже, у неё открылось второе дыхание, а может, третье или четвёртое. Зря Теська нарывается, запас прочности у бабки большой.

Сполоснув тарелки, я подмигнула грустному Сёме и пошла к себе. Вторая дверь от кухни была приоткрыта, никто не видел надобности запирается от соседей. Первое, что бросилось в глаза, это подсохшее коричневое пятно на пороге, косяке и даже обоях. Резкий запах спиртного неприятно щекотал ноздри. Осколки уже убрали.

Может, действительно пора запретить Семафору тут лазить? Дело не в слухах и соседях. Ничего не изменится, даже если я в каждое полнолуние буду танцевать голой на лавочке. Мой кад-арт – моя защита и проклятие.

Примерно треть всех камней идентифицированы, отражают внутреннюю суть владельца, его основные качества. Мой – сапфир. В простонародье – «камень монахинь». Олицетворяет чистоту, целомудрие, невинность, веру, постоянство. Казалось бы, будущее предопределено, но... не хочу в обитель, и всё. Так я и заявила двум монашкам, как-то пришедшим к нам в дом. Женщины даже растерялись – судя по камню, хотеть обязана. Они пришли, чтобы распространить Божью милость, а девчонка нос воротит.

От этой милости в личной жизни одни проблемы. Вернее, в её отсутствии. При первой встрече мы смотрим не в глаза человеку, а на его камень. Стоит парню увидеть мой кристалл, как он тут же начинает смущаться, прятать до этого чересчур активные руки за спину, некоторые даже краснеют. Так бы и ходила до сих пор в девственницах, если б не Влад. Мой партнёр и в танце, и в работе. Как-то раз, напившись, мы проснулись в одной постели. Жаль, что воспоминания об этом у меня сохранились смазанные. После полугодового отчуждения и чувства взаимной неловкости, мы откровенно поговорили, высказали претензии, избавились от недомолвок и тем самым спасли дружбу. Сейчас Влад – добропорядочный отец семейства, имеет жену Нату, двух сыновей-погодков, Валериана и Динатира, и тещу Бориславу, постоянно косящуюся на меня с подозрением.

Я же по-прежнему одна.

После обеда мой путь лежал в строительную контору. Раз в неделю нужно было рассчитываться с ремонтной бригадой, просматривать и утверждать смету, на деле сокращать её вдвое. Заехав в банк, я вставила в порт терминала свой кад-арт. Машина начала обработку

данных. Сигнал известил об окончании операции, на экране быстро сменяли друг друга надписи: «начислена сумма», «не забудьте взять квитанцию», «претензии без квитанции не принимаются».

Камень разума снова был убран под рубашку, подальше от нескромных глаз. Кто придумал встраивать в кад-арт чип и использовать вместо документов и кошельков? Тут и паспорт, и свидетельство о рождении, и страховой полис, и диплом, и пропуск.

Кристалл – носитель всех сведений, плюс именной счёт с деньгами. Из наличности в ходу остались мелкие монетки, которыми можно расплатиться с уличными торговцами и в транспорте. По закону, каждая торговая точка обязана иметь терминал.

С одной стороны, хорошо. Документы всегда при себе, в сохранности, кристаллы практически невозможно потерять, разрушить или украсть. Если и сведёт вас нелёгкая с сумасшедшим, позарившимся на кад-арт, отдавайте. Имперский корпус правопорядка найдёт его минут за десять. Достаточно ввести в поисковую систему личный код – и местонахождение камня определят с точностью до сантиметра.

Но всегда есть другая сторона. Людей уже давно стали судить не по их поступкам, а по тому, какой камень они носят, по его свойствам, а не по чертам характера, именно поэтому меня так настойчиво сватают в монастырь.

К выцветшему остановочному комплексу, разбрызгивая грязь, подъехала маршрутка. Выскочив, я подняла глаза к хмурому небу – набрякшие влагой облака низко висели над городом, того и гляди, дождь пойдёт снова. Как назло, лучшие строительно-отделочные конторы находились почти на границе города. На границе с Ворошками. Пятьсот метров по объездной дороге, поворот направо. Просёлочная дорога. Приставучая рыжая грязь, размытая дождями и замешенная колёсами большегрузных автомобилей, липла к ботинкам.

Мобильный завибрировал в кармане, когда уже был виден длинный деревянный барак, весьма качественно переделанный в офис и склад материалов.

– Привет, мам!

– Что у тебя с квартирой? Ремонт закончили? – спросила она и, не давая ответить, быстро заговорила: – У Маньки Мироновой, соседки, беда. Один из прежних владельцев оспорил сделку по суду, и тью-тью квартира. И прежнюю не вернуть, и новой нет. Деньги, конечно, вернули, но теперь на них такое жилье не купить, вот я и думаю...

Мама свято уверена, что мне есть дело до всех её знакомых, друзей, знакомых друзей, их родственников, парикмахеров, врачей.

– Не занята? Я тебя отвлекаю?

– Не-е-ет, – протянула я, задумчиво рассматривая сетчатый забор, огораживающий стоянку. – Всё хорошо, мам. Правда.

– Денег хватило? Если нет, скажи. Мы вышлем или привезём. С переводами сейчас надо поосторожнее, слышала о мошенниках...

Я отключилась от разговора, оставив его протекать по краю сознания. Папа всегда говорил: «Нашей маме надо дать выговориться, это не остановить, только пережить, как стихийное бедствие».

– Да, да. Обязательно позвоню, – чётко уловила я момент прощания. – Не волнуйся. Привет папе.

Захлопнув телефон, я потёрла виски. Родителей люблю, но не понимаю. Как и большинство моих сверстников. Вечные проблемы отцов и детей. Их приверженность к раз и

навсегда установленным порядкам, по которым нельзя даже переставить полку для обуви к противоположной стене, а хлеб надлежит покупать только до обеда и только в одной булочной, апельсиновый сок выжимать вручную, вызвала глухое раздражение. Одно время мама любила пошутить на тему папиной привлекательности и непостоянства. «Грехи молодости», – усмехалась она. Говорят, он остепенился лишь после моего рождения. В отличие от мамы и бабушки не вижу ничего смешного в супружеской измене.

Не знаю, какое из множества мелких, но ежедневных недопониманий было причиной моего решения жить отдельно. И не просто отдельно, а в другом городе. Конечно, немаловажную роль сыграло наличие комнаты в коммунальной квартире именно в Вороховке, а также поддержка Влада.

Поначалу я чувствовала себя предательницей, в волнении названивала домой по несколько раз в день. Перепугала родителей так, что они примчались, бросив все дела, намереваясь забрать своё единственное, излишне впечатлительное чадо обратно. Так что все успокоились и смирились с моим выбором отнюдь не сразу.

Порыв ветра ударил в грудь, заставив пошатнуться. Лишь ощутив озноб, рябью пробежавший по коже, и потеплевший кад-арт, я поняла, что это не просто воздух.

Блуждающий оказался настойчив, вторая атака заставила насторожиться впервые за двадцать пять лет жизни бок о бок с призраками. Воздушная волна чуть не опрокинула на землю, камень разума обжёг кожу, от холода удара на мгновение онемело тело. Навскидку восемь онн, предел камня десятка, чуть выше – и мозг сгорит в чужой боли. Я выдохнула, выпустив наружу ледяное облачко, и сделала то, что никогда не рекомендуют делать псионники, проводившие с нами тренировки чуть ли не с первого класса. Бросилась вперед. Побежала, зная, что это бесполезно; зная, что призрак без тела быстрее любого живого; зная, что в случае движения жертвы удар будет вдвое сильнее, энергия тела сработает против меня. Но ноги сами несли по направлению к белой стене, пару мгновений назад казавшейся такой близкой, а теперь – недостижимой. Там люди. Живые. Они помогут, вызовут специалистов, блуждающего усмирят.

Ледяной шквал накатил с затылка, растёкся по позвоночнику, лишая возможности двигаться, мышцы свело судорогой. Я словно налетела на невидимую стену. Мир замер, а потом завертелся. Рыжие брызги разлетелись в стороны, ладони загребли мягкую, тёплую грязь. Кад-арт горел, пытаюсь отразить атаки. Голова наполнилась туманом, неясными образами и болью.

– Нет. Это не моё, – крик, как тщетная попытка отстраниться от удара блуждающего.

Виски сдавило стальным обручем, белая стена, олицетворяющая безопасность, поплыла. Отчаянно моргая, я старалась смахнуть слезы. Вспышка чужой агонии пронзила тело насквозь. Спазм заставил выгнуться дугой от боли. Предо мной словно опустили тёмную завесу. Последнее воспоминание – мягкая раздражающая вибрация в боку и мелодия, обычно заставлявшая мгновенно откидывать крышку телефона.

– Зачем ты её сюда притащил? Она же *стёртая*, – сердитый голос то отдалялся, то приближался.

– Предлагаешь оставить там? – хрипло спросили у него.

Лица коснулось что-то прохладное и влажное.

– Мне без разницы. Такие атаки отслеживаются в обязательном порядке, и куда, думаешь, первым делом заявятся псионники? Тебе оно надо?

– Мне надо, – прошептала я и открыла глаза.

Надо мной склонились двое смутно знакомых мужчин. Парни, нанятые для ремонта квартиры: на ловца, как говорится, и зверь бежит, – вот только деньги сейчас волновали меньше всего.

– По-по-помоги-и-и-те вста-а-ать, – попросила я.

Голос дрожал, как и всё тело. Не знаю, от страха или последствия атаки, но трясло меня так, что зубы лязгали.

Один из них тут же обхватил за плечи и приподнял, аккуратно усаживая на бежевом диване. Грудь отозвалась ноющей болью.

– Как себя чувствуешь? – заботливо спросил хриплый голос.

Антонис, вспомнилось имя.

– Помнишь, кто ты? Где живёшь?

– Да, – кивнула я, чуть не прикусив язык. – И пппомню, ччттттто выдаааала вам аванннс. – Получилось не очень внятно, но они поняли.

– Повезло, – протянул сердитый парень, имя которого упорно не желало вспоминаться. – Не успел блуждающий.

– Служжжбу контроооля вызвали? – я спустила ноги и встала. Вроде ничего, грудная клетка ноет, дрожь ещё не стихла, но в целом жива и относительно невредима. Одежду покрывали живописные разводы подсыхающей грязи, куртку парни с меня сняли, так что выглядело всё не так страшно, как было на самом деле.

– Уверена, что хочешь этого? – переглянувшись с напарником, осторожно спросил Антонис.

– Э-э-э... Лена, если не ошибаюсь, – сердитый парень приблизился и посмотрел на меня с интересом и недоумением. – Ты знаешь, кого блуждающий способен атаковать с силой сверх десяти онн?

Знаю, как и любой другой в Империи Камней. Своего убийцу.

– Я никого не убивала, – заикание уступило место по-детски обидному изумлению.

– Мы верим, – быстро добавил Антонис, пожалуй, чересчур быстро. – Но привидения никогда не врут. Кому из вас поверят псионники?

В его словах был смысл, пусть неприятный, но был. Над этим стоило подумать.

Я точно знаю, что никого не убила ненароком. Неужели теперь придётся это доказывать? Сложно ли доказать факт, который никогда не подвергался сомнению?

Наверное, поэтому я растерялась. Хуже, чем растерялась, забыла всё, чему меня учили. Всё, что мне когда-то говорила Нирра. Забыла и саму Нирру...

– Уходи, – потребовал сердитый. – Без обид, но связываться со службой контроля мы не хотим.

Я повернулась к Антонису, слабо надеясь на поддержку, но тот опустил глаза.

Обычная дверь показалась проходом в другой мир. Надо выйти туда, снова встать перед призраком. Пусть блуждающим никакие стены не помеха, но атаковать они стараются, когда жертва остаётся в одиночестве. Правда, бывают и исключения, всё зависит от желания свести счёты.

Я со злостью сдёрнула куртку со стула и вышла, громко хлопнув дверью. Запала хватило ненадолго, шага на три от крыльца.

Что же делать? Затравленный взгляд по сторонам. Бесполезно, пока атака не повторится, человек и знать не будет, что он рядом. Служба контроля. Они могут помочь.

Помочь сохранить разум, иначе следующее нападение сотрёт, выжжет меня дотла.

Сердце громко стучало. Я отошла в тень, прижалась к холодной стене барака и вытащила телефон. Три пропущенных вызова – два от мамы и один от бабушки. Нирра! Первая разумная мысль с момента нападения. Приди она на минуту раньше, никакие силы бы не заставили меня выйти на улицу, и плевать на то, что думают там какие-то строители. Я зло кусала губы, стараясь попасть трясущимися пальцами по кнопкам телефона. Надо было сразу звонить, а не препираться, глядишь, услышав имя, стали бы поговорчивей. Или сразу выкинули бы на улицу, без всяких разговоров и попыток соблюсти приличия. Но это чревато. Моя бабушка, Нирра Артахова, много лет возглавляла службу контроля. И не городскую, и не районную, а, ни много ни мало, имперскую.

Людей, неподвластных воздействию призраков, ничтожно мало. Судьба такого человека предопределена почище, чем у носителя камня. Зачисление в пси-академию едва ли не с рождения. И «хочу – не хочу» не играет никакой роли.

Первая пара гудков показалась мне по продолжительности чуть ли не многочасовым концертом.

– Алленария, – рявкнула трубка. – Что происходит?

– Бабушк-ка, – от облегчения я позорно разревелась. – К-кто-то... ч-ч-что-то... он...

– Спокойно, – голос в трубке сразу смягчился. – Вдох, выдох. Рассказывай, что случилось.

Не знаю, сколько времени ушло на подобные увещевания, но взять себя в руки и внятно рассказать о происшедшем удалось не сразу.

– Погост далеко? – напряжённым шёпотом спросила она.

– В двух шагах.

– Слушай внимательно и выполняй в точности, каким бы невероятным тебе это ни показалось. Бегом к Ворошкам, напрямую, как можно быстрее, если надо, лезь прямо через забор. Поняла?

– Да, но...

– Не перебивай. Выбери могилу, сядь на землю, прислонись спиной к памятнику или кресту. Я перезвоню через две минуты и, если ты не возьмёшь трубку, буду исходить из того, что атака повторилась. Всё ясно?

– Д-да, – снова начала заикаться я.

– Тогда бегом, – скомандовала бабушка и отключилась.

Я захлопнула телефон. Ждала помощи, а получила не пойми что. В моем положении соваться на кладбище – самоубийство. Правда, ноги уже сами несли меня поперёк дороги, через канаву к железной ограде. Особого выбора нет. Через ограду действительно пришлось перелезть. Опыта в этом у меня было маловато, так что, переваливаясь через железные прутья, как куль с мукой, я едва не обрушила всю секцию. Стараясь не смотреть на нестройные ряды крестов и памятников, я плюхнулась в пыль у первого попавшегося и осторожно облокотилась о холодный камень.

Бабушка была точна, телефон тренькнул через полминуты.

– Слушаю, – выдохнула я в трубку.

– На месте?

– Да.

– Хорошо. Оставайся там, скоро за тобой приедут. Чья могила?

Я обернулась, силясь прочитать витиеватую потемневшую надпись. Мавейлик Ильич

Ветродуев. Родился, умер, две строчки эпитафии на холодном граните – всё, что осталось от когда-то жившего человека.

– Не знаю, мужик какой-то. Умер ещё в прошлом веке.

– Никого посвежее не нашлось? – наверное, она пыталась пошутить.

– Извини, не было времени выбирать, но, если хочешь, поищу.

– Нет уж, сойдёт и этот, вековой давности, – фыркнула она, но тут же серьёзно добавила: – Лен, ничего не бойся, мы будем говорить, пока тебя не заберут.

Последнее слово неприятно царапнуло.

– Меня арестуют?

– Делом займётся лучший специалист.

– Меня арестуют? – мне нужен был ответ на вопрос.

– Есть процедура. По-другому им тебя не защитить. Ты же знаешь, пока рядом псионник, ни один блуждающий не осмелится приблизиться.

Мы ненадолго замолчали, я размышляла, в трубке слышалось сиплое бабушкино дыхание, возможно, она простудилась, но тогда я не обращала ни на что внимания.

– Я никого не убивала.

– Знаю, – всего одно слово, а облегчение было таким, будто с плеч сняли невероятный груз. – Во-первых, ты не способна прихлопнуть даже паука, что уж говорить о человеке. А во-вторых, передо мной сейчас сводка смертности: в Вороховке за последние полгода не было ни одной неидентифицированной насильственной смерти. Всех убийц либо задержали, либо это вопрос ближайшего времени, вина установлена с вероятностью более восьмидесяти процентов. Не волнуйся, ребята во всём разберутся. А если нет, им же хуже, – ещё одна попытка пошутить, и в этот раз я не удержалась и хихикнула. У бабушки уже года два как парализовало ноги, иначе она б ни за что не вышла на пенсию и руководила бы службой контроля минимум ещё лет десять.

– Бабушка, а почему кладбище? Любой бы убежал отсюда при первой же возможности.

– И напрасно, – она фыркнула. – Блуждающие *«живут»* по своим законам. Они привязаны к двум местам: к месту погребения и месту смерти. Это их личная территория. Чужая могила для призраков «нулевое поле», посторонний блуждающий не может пересечь границу. Пока ты там, для других призраков ты не существуешь, только для хозяина захоронения. Будем надеяться, что ты выбрала могилу не того, кто пытался тебя убить. Иначе глупо получится.

– Да уж, – мне стало неуютно, хотя о каком уюте вообще может идти речь на кладбище.

– Вероятность один к паре десятков миллионов, примерно столько здесь захоронено, если мне не изменяет память. Неплохие шансы, – продолжала рассуждать бабушка. – Для тебя сейчас нет места безопаснее. Хозяину могилы ты не враг, пока не собираешься её разрушать.

– Торжественно клянусь ничего не раскапывать, – пообещала я.

– Надеюсь. Только обвинения в осквернении захоронения не хватает, – бабушка снова стала серьёзной.

– Как вы узнали? Ну... вы же звонили, ты, мама. Вы знали – что-то случилось.

– Злата позвонила в истерике, твои камни сошли с ума – вид-арт светился, а сем-аш вибрировал так, что свалил с полки всю шкатулку.

– Мама, – простонала я.

– У тебя сейчас не о том голова должна болеть, – чётко, я бы даже сказала жёстко

проговорила бабушка. – С родителями потом будешь объясняться.

– Хм, – кашлянули позади.

От неожиданности я дёрнулась и чуть не выронила телефон. Красивая высокая брюнетка стояла у ограды и нетерпеливо постукивала по ней перчатками. Псионники никогда не пересекали границ захоронения, что порождало множество слухов и подозрений.

– Лена? – голос из трубки звенел, как натянутая струна.

– Кажется, за мной пришли.

– Попроси показать камень.

Я кивнула, словно Нирра могла меня видеть.

– Предъявите, пожалуйста, кад-арт, – на последнем слове голос дрогнул. Я не знала, чего хочу больше: оказаться в безопасности или избежать ареста. Девушка расстегнула верхнюю пуговицу элегантного синего пальто и, поддев длинным ухоженным коготком цепочку, вытащила наружу кристалл. Вернее, муляж. Продолговатый кусок пластика размером с палец – визитную карточку и удостоверение псионника.

Только псионник может разгуливать по кладбищу без защиты разума, только они могут позволить себе такую роскошь. Давным-давно в империи действовала банда мошенников. Изготовив несколько муляжей и спрятав настоящие камни в потайные карманы, они представлялись сотрудниками службы контроля, предлагали людям «защиту», получали деньги и смывались с ними. Но, насколько я помню из школьного курса истории, их деятельность была пресечена очень быстро. Император сразу ввёл смертную казнь за подделку кад-артов, и больше желающих повторить подвиг казнённых не нашлось.

– Всё в порядке, – сказала я в трубку. – Позвоню позднее.

Я захлопнула телефон и посмотрела на девушку. Она, в свою очередь, на меня. Картинка наверняка ещё та. Мелкая шуплая девица с взглядом затравленного зверька, в грязной одежде сидит прямо на земле, на кладбище. Опухшее от слез лицо в разводах косметики.

Уцепившись за памятник, я неловко встала и огляделась.

– А где остальные?

Девушка фыркнула.

– Тебе меня мало? Могу выдать наручники.

Я мотнула головой и вышла за ограду.

– Если не возражаешь, пойдём по тропинке. Тебе, как я понимаю, без разницы, а мне нет.

Незнакомка даже ни разу не оглянулась, увязающие в земле шпильки волновали её гораздо больше преступницы. Оно и понятно. Деваться мне некуда.

В империи убийств совершается чрезвычайно мало. И причина отнюдь не в миролюбивости граждан, а в проклятии этой земли – блуждающих. Если убил человека, неважно как, умышленно или оборонялся, у тебя есть три пути. Первый, самый простой, – пойти в службу контроля и покаяться. Второй, самый сложный, – покончить жизнь самоубийством. И третий, самый рискованный, – бежать и молиться.

Убитый вернётся блуждающим и отомстит. В атаку на разум призрак вложит всю боль, обиду и ненависть. Напряжение свыше десяти онн – и убийца умрёт от тех же ощущений, что и его жертва. Вернувшийся спроецирует свою смерть в разум убийцы. Но бывает и по-другому: мозг не выдерживает раньше, чем отказывают остальные органы, и стирается. Не только память, а абсолютно всё. Тело есть – разума нет, не человек – растение. Неизвестно, что хуже – умереть сразу или лежать несколько лет без разума, без движения?

Умерший от естественных причин также может вернуться, мстить он будет не убийце, а людям, когда-либо обидевшим его. Причём это принимает просто маниакальный размах. К примеру, наступил человеку на ногу и не извинился, будь уверен, блуждающий этого не забудет. Такие атаки не представляют вреда для жизни или разума, их напряжение пропорционально нанесённой обиде.

Так в моей жизни появилась Эилоза. Как-то раз компания нетрезвых подростков, обосновавшаяся в дверях маршрутки, отказалась посторониться и выпустить меня из транспорта, мотивируя это надписью: «В час пик остановки только в оборудованных для этого местах». Не знаю, кто был прав в той ситуации, но денёк и так выдался сложный. Вялотекущий конфликт перерос в безобразную ссору с ругательствами и рукоприкладством. Подбадриваемая пассажирами, я вытолкала в открытые двери девочку и парня. Остальные подростки, на моё счастье, вступились за товарищей лишь словесно. Парень приземлился на ноги, а вот Эилоза неловко упала. Я перепрыгнула через девочку и была такова.

Откуда мне было знать, что через полгода девочке поставят страшный смертельный диагноз. Подросток, не слушая родителей и врачей, не веря в существующие методы лечения, выбросится с чердака десятиэтажки, а ещё через неделю объявится у меня. Нет бы родителей навестить! Парадокс. Блуждающие никогда не приходят к любимым. Именно потому, что любят. А причинять им боль призраки не хотят, и обиды тут роли не играют.

Скрыться от мести умерших можно. Отдаляясь от места захоронения, мёртвый слабеет и атаковать с прежней силой не может. В теории, если ты успеешь уехать достаточно далеко, смерть разуму не грозит. Но у этого способа есть один недостаток, и существенный. Способность призрака материализоваться не исчезнет. Ты всё равно умрёшь: от ножа в спину, от яда в суп или кто-то подтолкнёт в спину, когда будешь стоять на лестнице, — одно усилие до того, как тело блуждающего разлетится брызгами, но хватит и его.

Так что самоуверенность девушки из службы контроля понятна. Я заинтересована в ней больше, чем она во мне. Псионники обязаны защищать преступников, дабы была возможность передать их суду.

У центрального входа был припаркован маленький ярко-синий автомобильчик, в тон пальто моей сопровождающей. Интересно, если цвет или покрой выйдут из моды, она машину перекрашивать будет? Жалко, машинка даже на вид дорогая. Мне самое место в багажнике.

— Садись, — во взгляде брюнетки я увидела отражение собственных мыслей. — Окно открой, — сморщив носик, добавила девушка. — На этот раз им придётся оплатить чистку салона.

— Чего ж не на служебной? — не удержалась я.

— Могла бы и поблагодарить. Я оказалась ближе всех. Если б не приказ... — девушка замолчала и завела машину.

Глава 2

Чистосердечное признание

Что делать в свой честно заработанный выходной? Этот вопрос задавал себе Дмитрий уже третий раз за день. Выспаться выспался. Готовить? Много ли одному надо – пачка пельменей, кофе, яичница. Прибираться? Зачем? Гостей он не ждал. Привычкой бросать вещи где попало так и не обзавёлся.

«Господи, ну и выбор, – с горькой усмешкой подумал он. – Как у пенсионера. Может, выйти на лавочке посидеть, воздухом подышать?»

Вынул сигарету, чиркнул спичкой. Маленький огонёк взметнулся ввысь, покачиваясь в пальцах, словно живой. Дерево быстро прогорело, пламя так и не коснулось сигареты. Он бросал уже месяц, но память тела иногда заставляла его забываться.

За стёклами мелкий нудный дождик поторапливал людей, заставляя их поднимать воротники и глубже зарываться в шарфы. Открывать форточку и впускать непогоду внутрь не хотелось.

– Самое оно для свидания, – громко сказал он, заметив на противоположной стороне улицы обнявшуюся парочку. Резкий порыв ветра, сговорившегося с дождём, налетел на молодых людей, высоко взметнув полы тоненького плащика девушки и едва не вырвав у парня зонт.

– Держи крепче, – крикнул Дмитрий, будто прохожие могли услышать или увидеть одинокую фигуру в окне четвёртого этажа.

Ветер, не справившись с хваткой молодого человека, вывернул зонт наизнанку.

– Девушку держи, дурень, – сказал мужчина и, выкинув так и не прикуренную сигарету в пепельницу, щёлкнул рычажком электрического чайника.

Когда в последний раз у него было настоящее свидание? Не знакомство в пьяной компании или на шашлыках у друзей, не секс и встречи по привычке из соображений банального удобства, а настоящее свидание? Когда в последний раз он давал себе труд ухаживать за девушкой? Искренне хотел понравиться, влюбить её в себя и влюбиться сам? Не год и не два прошло. Давно, ещё в Заславле.

Мать до сих пор звонит ему, чтобы рассказать о судьбе той или иной бывшей. Надеется, что он пожалеет и приедет в столицу. Зря. Там он не оставил ничего, ради чего стоило бы вернуться.

Дмитрий сыпанул две ложки растворимого кофе в кружку и залил кипятком.

Мать считала иначе. Она хотела другой карьеры для мальчика. Даже это слово «другой» всегда произносилось ею со значением, растягивая букву «о» до бесконечности.

Учёба в пси-академии далась Дмитрию легко. Наставники не могли нарадоваться на студента со столь сильной сопротивляемостью к блуждающим и пророчили молодому специалисту быстрый карьерный рост. Он в ответ залихватски улыбался, предпочитая красоваться перед сокурсницами, нежели задумываться о будущем.

А потом сбежал.

Мужчина прошёл в комнату и поставил кружку рядом с мягко мерцающим монитором. Кажется, он во что-то играл. Как ещё заполнить никому не нужные, но положенные псионнику по штатному расписанию свободные часы?

Мать собиралась поднять все связи, чтобы обеспечить сыну тёпленькое перспективное местечко в столице. Он не имел ничего против, пока не узнал, какие именно знакомства решила задействовать мамочка. И сбежал. Глупый мальчишеский поступок. Он хотел добиться всего сам и вернуться в Заславль победителем, несущим за собой длинный шлейф славы. Его выбор пал на Вороховку, где на влиятельных персон из столицы обращали внимания ещё меньше, чем на обычного дворника. Сюда никто не рвался. Слишком много хлопот, слишком много работы. И если бы понадобилось кого-нибудь сместить, то жертва предполагаемых интриг обрадовалась бы первой.

Дмитрий кликнул мышкой, разворачивая окно с пасьянсом. Вот и весь досуг. Компьютер, удобное кресло и потёртый стол с круглыми отпечатками от очередной порции кофе или чая.

Карьеру, как и обещали, он сделал стремительную, за пять лет поднялся от простого стажёра до главного специалиста по кризисным ситуациям. Когда старенький Адаис Петрович уйдёт на пенсию, его кресло, без сомнения, достанется Дмитрию. Он станет самым молодым руководителем за всю историю существования региональной службы контроля. Пора возвращаться. Оформить перевод куда-нибудь в место пооживлённое – и прости-прощай забытая Богом и людьми Вороховка.

Король пик лёг на даму, и карты весело заскакали по экрану, поздравляя игрока с победой и предлагая сыграть снова.

Проблема в том, что он больше не хотел возвращаться. Он привык к сонному оцепенению городка, к закрытой ото всех жизни, привык быть самому себе хозяином. У него было много планов по реорганизации службы и переподготовке сотрудников. Если Дмитрий Станин что-то и умел делать хорошо, так это работать. Он не умел отдыхать. Оторванный от родной стихии, он всегда чувствовал себя, как рыба, вытасченная из воды. Взрослый тридцатипятилетний мужчина не страдал от отсутствия свободного времени, он тяготился его наличием.

Звонок телефона в коридоре прозвучал неожиданно громко, эхом отскакивая от стен.

«Вряд ли вызов, – с сожалением подумал Дмитрий, – я сегодня не на дежурстве. Может, Гош освободился, опять шары погонять позовёт».

Но он ошибся.

– Дима, – голос начальника звучал неуверенно и немного растерянно, так хотят сообщить плохую новость и не знают, с чего начать.

– Да, Адаис Петрович.

– Знаю, ты сегодня отдыхаешь, но...

– Я свободен. Что случилось? – Дмитрий прижал трубку щекой к плечу и вернулся в комнату.

На стуле, дожидаясь его, висели чёрные рабочие джинсы и толстовка.

– У нас срочное дело. Приоритет. Неразглашение – присвоена закрытая категория. Докладывать лично мне. Код допуска – пять.

Пытаясь натянуть свитер, не отрываясь от телефона, мужчина на мгновение замер. Что произошло? Крушение самолёта? Эпидемия? Массовое самоубийство? Нет. Тогда б ему дали бригаду, а то и отряд в помощь. Сумасшедший? Маньяк, убитый при задержании? Террорист? Наркоман, обиженный и злой на весь мир настолько, что кинется бесконтрольно атаковать людей? Или, ещё хуже, политик, явившийся на работу и после смерти? Психов при реально существующей загробной жизни хватало. Правда, возвращались не все, иначе не было бы у

него в кабинете полки с нераскрытыми делами.

– Предварительно – несанкционированное нападение свыше десяти онн. За жертвой уже выехали, – продолжал Адаис Петрович.

– Блуждающий? – спросил Дмитрий, натягивая кроссовки.

– Не определён.

– Причины присвоения категории?

– Мой приказ.

– Но... – мужчина накинул куртку и открыл дверь.

– Дима, – начальник замялся. – Считаю это моей личной просьбой.

– Адаис Петрович, я не смогу отмазать убийцу, – дверь захлопнулась, щёлкнули автоматические замки.

– И не надо. Просто разберись, как делаешь это всегда. Тихо, без огласки. Согласен?

– Да.

Начальник отключился, когда Дмитрий уже садился за руль.

Пятая категория. По сути, разрешение использовать все резервы службы без оглядки на начальство. Полная самостоятельность. Ему развязали руки. Кто же ты, жертва?

Первой в службе контроля он увидел Эми, которая кокетничала с дежурным.

– Давай я сама ему передам. Ничего не случится, – ворковала девушка, легонько водя пальчиком по пластиковой папке, в нескольких миллиметрах от руки парня. – Ты же видел, это я её сюда привезла.

Пальто на Эми запахнулось, и сильно декольтированное платье не оставило больших возможностей для полёта фантазии.

Дмитрий, привлекая к себе внимание, встал рядом и вопросительно поднял бровь. Дежурный так же молча двинул кусок пластика в его сторону.

– Где? – спросил псионник.

– В двести шестнадцатой.

Девушка фыркнула и отвернулась, потеряв к дежурному всякий интерес. Папка с делом по закрытой категории перешла в другие руки.

– Демон, да погоди же ты.

Идя по коридору, Дмитрий чётко различал догоняющий его стук каблучков.

Псионник остановился перед дверью в середине коридора с медной табличкой «216». Рука сжалась на блестящей, отполированной за долгие годы касаний ручке, но он помедлил, чуть-чуть. Надо же дать девушке шанс.

Эми облизнула ярко накрашенные губы, не зная, как начать разговор. Не просто так коллеги переименовали панибратское Димон в трагическое Демон.

– Отдай это дело мне, – голос девушки звучал максимально просительно и с придыханием. – Мелочь ведь, тебе теперь не по чину. А для меня это шанс!

Ручка повернулась, дверь приоткрылась.

– Нет.

– Тогда давай вместе, а? Ты же знаешь, какой доброй я могу быть. И благодарной... – Эми подалась вперёд и провела рукой по его плечу.

На минуту Дмитрий позволил себе поддаться, вдохнуть чуть горьковатый запах её духов, позволил воспоминаниям вынырнуть из глубин памяти. Он знал это тело, было время, ночами напролёт обнимал его, пробовал на вкус. Тогда он не смог сопротивляться идущему

от этой женщины соблазну, был опьянён им. Но за сладость опьянения приходится расплачиваться горьким похмельем. В её случае – в буквальном смысле. Он думал, они оба усвоили урок и она не станет повторяться.

– Закрытая категория, Эми, – после непродолжительной паузы ответил псионник. – Ты знаешь правила.

– Да это обычная бродяжка, – девушка отпрянула, недовольно надув губы. – Тут какая-то ошибка. Угровишь кучу времени впустую.

– Никакой ошибки. Личная просьба шефа, с ним и разбирайся, – оглядев Эми с ног до головы, Дмитрий позволил себе лёгкую усмешку. – У тебя, кажется, выходной. Отдыхай.

Перед тем, как закрыть дверь, он успел увидеть её обиженные, широко распахнутые глаза. В актрисы тебе надо, Эми, на сцену. Жаль, таким, как мы, не оставляют выбора.

Объект нападения сидел на стуле. Вернее, сидела. Девушка. Молодая. Наверное, красивая. Сейчас из-за покрывавших лицо разводов косметики трудно сказать наверняка. Плечи прямые, руки на коленях, грязная куртка аккуратно повешена на спинку. Голова повернута к двери, округлённые буквой «о» губы. Финальную часть разговора она слышала. Хорошо. Девушки уже успели пообщаться, можно рассчитывать на признательность – насколько он знал, с женщинами Эми не церемонится.

Дмитрий нацепил на лицо располагающую улыбку и, швырнув папку на стол, расслабленно опустился на стул. Девушка смутилась и опустила взгляд на руки. Воспитанница закрытого пансиона, да и только. Ещё одна актриса? Псионник внутренне поморщился. Пора переходить на личности, мужчина раскрыл папку. Алленария Артахова. Аля? Артахова? Только этого не хватало. Вот он, твой пятый уровень.

– Здравствуйте. Я подполковник Дмитрий Станин, назначенный для разбирательства вашего случая. Давайте начнём. Представьтесь.

Он мог бы потребовать кад-арт, должен был потребовать, и вся необходимая информация была бы через минуту распечатана. Но, слушая живые ответы, псионнику легче было составить собственное мнение. Он попросит камень разума потом и сравнит. Если подловить человека на неточностях, это даст дополнительное преимущество.

Ничего интересного. Не состояла, не привлекалась, не участвовала. Тишь да гладь. Неудивительно, с таким-то семейством. Что же ты натворила, мышка? Не Аля, а Лена. Что ж, ему всё равно, как её называть. Дмитрий просмотрел информацию с карты памяти: энергетическая картина нападения, засеченная сканирующим центром. Пока всё совпадает. Пора приступать к делу.

– Значит, вы не знаете, кто мог напасть на вас?

– Нет, не знаю, – девушка не хотела поднимать на него глаза, это почему-то раздражало.

– Для такой атаки нужны очень веские причины, – вкрадчиво сказал псионник. Он ждал слез, уверений в том, что произошла ошибка, и просьб поверить в невиновность.

– Знаю, – девушка кивнула.

– У вас есть один хвост. Возможно, на этот раз блуждающая перестаралась?

– Нет, – она наконец подняла голову, большие, вполлица глаза цвета грецкого ореха гневно сверкнули. – Эилоза этого не делала.

Что-то новенькое – человек, защищающий призрака.

– Будьте добры, ваш кад-арт. А также выложите всё из карманов: ключи, заколки, телефон, бумажник. Снимите ремень и выньте шнуры.

– У меня на сапогах молния, – ответила девушка, выкладывая на стол всякую мелочовку.

Но Дмитрий не слушал, он поднял камень разума и посмотрел на свет. Крупный, чистый зеленоватый сапфир. Надо же так промахнуться! Привык иметь дело со всяким мусором.

– Меня посадят в тюрьму?

– В камеру предварительного заключения, – машинально ответил псионник. – В одиночную, – хотя мгновение назад намеревался отправить её в обычную, повариться, так сказать, в общем котле. Кто там у нас сегодня – жена, больше полугода назад зарезавшая мужа, уличная воровка, псевдогадалка, предсказывающая смерть. Если б не сводка, он знал бы, что вменять. Значит, тело пока не найдено. Надо просмотреть списки пропавших без вести.

– Послушайте, – Дмитрий коснулся руки девушки.

Она дёрнулась, как от удара. Чёрт, да что с ней такое?

– Послушай, – продолжил он, стараясь придать голосу максимальную мягкость. – Ты ведь могла обороняться. Отбивалась от нападавшего или грабителя. Толкнула, и тот неловко упал или стукнула посильнее. Это самооборона, поверь. Мы сможем защитить тебя. Привяжем блуждающего к месту, повысим уровень кад-арта. Будешь жить, как раньше. Но мы должны знать, кого *привязывать*.

Она посмотрела на него с презрением и каплей жалости. Как на дурака, которому пытаются объяснить, что Земля вращается вокруг Солнца.

– Я никого не убивала. Ни намеренно, ни случайно, ни даже во сне, – голос оставался тихим, но приобрёл неожиданные твёрдость и вызов.

У маленькой мышки прорезались зубки.

На улицах стемнело. Загорающиеся фонари сливались в сплошную бегущую линию, отражаясь в тонированных стёклах. Прохожих почти не было. Холод и дождь разогнали молодёжь по подъездам, тех, кто при деньгах, – по кафешкам и кинотеатрам. Теперь, когда у него было дело, улицы виделись мужчине совсем другими, полными загадок и тайн, которые ещё предстояло разгадать. Таким город нравился псионнику намного больше.

Дорогу у строительной конторы он уже осмотрел, энергетические возмущения зафиксировал. Хотя и без датчиков чувствовал остаточные импульсы атаки. Это как запах, сильный, направленный и не всегда неприятный. Его не с чем сравнить. Все ароматы, доступные людям, не имели с душком призраков ничего общего. Подрядчиков, про которых рассказала жертва, на месте не было. Дураки, боялись санкций за несообщение. Ничего, явятся сами, но только когда он сочтёт нужным.

«Осталось последнее, – думал Дмитрий, выворачивая руль. – Проверить квартиру девушки. Нет, не квартиру, – поправил себя псионник, – комнату. Это может оказаться на руку, в коммуналках соседи много друг о друге знают, а ещё о большем догадываются».

Дверь открыла молоденькая девчушка, лет шестнадцати. Много косметики, коротенькое мини, блондинистые локоны и приглашающий взгляд. То, что она видела перед собой, ей определённо нравилось. Дмитрий накинул ещё пару годков за глаза, за их выражение.

– Здравствуйте, а вы к кому? – девушка прислонилась к косяку, проводя руками по телу, словно разглаживая несуществующие складки. Тебе бы у Эми поучиться.

– Здравствуйте. К вам, – он заставил себя улыбнуться и вытащил удостоверение. Не муляж кад-арта, а обычные корочки сотрудника имперского корпуса правопорядка. Закрытая категория – это закрытая категория.

– Да? – она удивилась, но не встревожилась. – А по какому вопросу?

– Насчёт вашей соседки... – псионник прищурился, проверяя окружающее девушку пространство. Слабенький отзвук хвостов еле улавливался. Девушка ещё молода и не успела обзавестись серьёзными блуждающими. При такой интенсивности излучения призраки навещают её не чаще раза в полгода, практически безвредные, случаи служба контроля их даже не фиксирует.

– Теська, – рывкнули откуда-то из глубины коридора, и на приличной скорости оттуда вынырнула пожилая женщина. Низенькая, сухонькая, с короткими седыми волосами. Таких бабок в любом дворе с десятков, обычные склочницы и сплетницы, вот только у этой взгляд другой. Цепкий, колючий, запоминающий. Такой информатор ему бы не повредил.

– Ага, – торжествующе сказала девушка. – Вот человек из органов. Пришёл-таки по твою душу. Теперь ты, старая колода, за все грехи ответишь.

Дмитрий переключил своё чутье на женщину. Лёгкие застарелые ароматы, без источника. Отрезанные хвосты. Она обращалась к специалистам, чтобы блуждающих обуздали. Процедура проводится, когда количество призраков переваливает за десятку, да и то в порядке очереди. Многим она успела насолить, но это было давно, свежих хвостов нет.

– Вы ко мне? – без каких-либо эмоций спросила бабка. – Тогда проходите.

– Нет. Вообще-то я по поводу другой вашей соседки.

Женщины переглянулись и уставились на него с одинаково недоумевающими лицами.

– Ни за что не поверю, что наша монашка во что-то вляпалась. Ошибочка вышла, – твердо сказала девушка.

Другая была более лаконична:

– Алленария... Что с ней? Ну-ка, – Демон позволил втянуть себя внутрь за куртку.

– Ничего страшного не случилось. Уличный воришка вырвал сумку. Алленария Артахова упала и повредила руку. Сейчас в больнице, – быстро озвучил Дмитрий заранее придуманную версию. – Сами понимаете, я обязан проверить. В сумке ведь много чего было, в том числе и ключи. Где её комната? Надо убедиться, что всё на месте.

– Ах ты, – всплеснула руками Теська. – У меня вчера колечко золотое пропало, то-то я думаю...

– Замолчи, нужно кому твоё колечко, – шикнула бабка и пригласила: – Идите сюда.

– Нужно, – огрызнулась девушка. – Мне нужно.

Предвидя склоку, Дмитрий поспешил вмешаться:

– Это произошло сегодня. Вечером. Вчера ничего украсть не могли.

– Да и сегодня тоже, – недовольно проворчала бабка. – Я с обеда дома. Кроме Сёмы, никто не приходил.

Дверь в комнату была не заперта, хотя врезной замок присутствовал.

– Так всегда? – спросил псионник. – Нараспашку?

– Да, – чётко ответила бабка. – Тут воров нет. Без спросу никто не войдёт.

Теська забурчала себе под нос что-то неразборчивое.

Маленькая комнатка, метров девять-десять, не больше. Клетушка, а не место для жилья. Узенький диванчик, комод, стол с компьютером, стул, стенная ниша, переделанная в шкаф, зеркало с полочками у двери. Правда, ремонт хороший, да и мебель нестарая. Он бы через час здесь задохнулся – три шага в длину, два в ширину. Камера и то просторнее. Чего девчонка лицо кривила?

Женщины остановились в дверях, следя за каждым его движением. Дмитрий очень

постарался, чтобы его действия не напоминали обыск. Перекладывал вещи аккуратно и быстро, не оставляя разлухи и беспорядка. Он же не опер, хотя их помощь как раз бы не помешала. В глазах соседей Лена должна остаться жертвой, а не подозреваемой. Работая механически, псионник сосредоточился на ощущениях. Люди пугаются, когда он застывает на минуту, словно прислушиваясь к чему-то, доступному ему одному. Оттуда и идут байки о страшных специалистах службы контроля.

Нужно взять пробы. Обязательно. Но и без анализа он знал, чувствовал тягучий свежий запах блуждающего. Сильного блуждающего, наполненного злобой и местью. Так же, как у кладбища. Призрак был здесь, и не так давно. А вот слабенькая арома-ниточка, скорее всего, зарегистрированный хвост.

Дмитрий включил компьютер.

– Э-э-э... Зачем это? – удивилась Теська, а бабка подозрительно прищурила глаз.

– Надо проверить контакты, – ответил он, вызвав одинаковое недоумение на лицах. – Вдруг это сделал кто-то из знакомых. Обычная процедура, проверяем всех.

Поверить он, конечно, ничего не стал, просто скопировал информацию.

– В какой она больнице? – спросила пожилая женщина. – Я б родителям позвонила да вещи отнесла, ну, зубную щётку, тапочки.

Дмитрий ещё помнил взгляд, которым одарила его Алленария, когда он предложил отвести её в душ.

– Соберите, что нужно. Я сам отнесу. Мне сегодня ещё медицинское заключение забирать. Родителям уже сообщили, не беспокойтесь.

Из чужой квартиры псионник выбрался только через час. Больше всего времени занял разговор с бабкой, которая за каждым из соседей подозревала грех. За каждым, кроме Алленарии. Быстрее всех он снял показания с некоего Семафора. Чтобы насладиться его молодецким храпом и запахом, хватило и трёх секунд.

Дмитрий закинул собранную женщиной сумку на заднее сиденье и повернул ключ зажигания. Подытожим. В материальном плане – пусто, в энергетическом – густо. Остались сущие пустяки – понять, что это всё значит.

Спать Дмитрий остался в кабинете. Он систематизировал данные, отрабатывал списки пропавших, искал любые пересечения с объектом. От монитора он оторвался в четвёртом часу утра, и ехать домой уже не имело смысла. Результатом усилий стали слезящиеся глаза, ломота в шее и полная пепельница растрёпанных, но не зажжённых сигарет. Сегодня он ни разу не сорвался. По делу – ничего. Никаких дельных мыслей в голову больше не приходило. Жёсткий кожаный диван с успехом заменил псионнику кровать. Не в первый раз. И не в последний.

Низкий гудящий звук разбудил псионника через два часа. Вибрирующий прямоугольник телефона тихонько подскакивал на столе, расцветивая пространство голубоватым светом.

– Слушаю, – отрывистые слова шершаво царапали сухое горло.

– Дима, у нас ЧП, – голос Адаиса Петровича еле заметно дрогнул. – Нападение в Старом Палисаде. Жертвы в больнице. Сергей Матвеевич Артахов и Златорианна Ивановна Артахова. Дело передано нам.

– Чёрт! Когда?

– Три часа назад. Палисадские сработали оперативно, информация уже в базе данных. Подключайся.

Дмитрий с силой потёр глаза, заставляя их открыться.

– Мне нужны Алиса и Гош.

– Закрытая категория. Ситуация может выйти из-под контроля.

– Она уже вышла из-под контроля, – в голосе мужчины прозвучала злость, удивившая его самого. – Они тоже знают, что такое закрытая категория. Один я не справлюсь, просто не успею. К тому же я подключаю оперов.

– Нет.

– По слепой схеме, – псионник сделал ударение на слове «слепой». – Пусть ищут, разгребать всё равно нам.

Он сунул ноги в ботинки. Спать сегодня больше не придётся. На том конце провода молчали. Хорошо, уже не отказ.

– Я не могу отвечать за людей, если мне этого не дают, – поторопил специалист начальника.

– Делай, что хочешь, – Демон ясно представил себе, как старик устало махнул рукой. – Я пришлю ребят утром.

– Сейчас уже утро.

Машина загрузилась в считанные секунды. Свет он включать не стал, хоть глаза и резало от яркой картинке монитора. Ещё сильнее на псионника давило чувство собственного просчёта. Что-то недоработал, не учёл, не понял, не поторопился. И пострадали люди. Вот она, реальность, в аляпистых, неприятных красках кадров, снятых на месте происшествия, в отчётах специалистов, в прогнозах врачей.

Кто мог предвидеть такой поворот событий? Переключение жертвы. Редкий случай – чтобы пересчитать инциденты, хватит пальцев одной руки. Он сам сталкивался с подобным один раз, ещё будучи стажёром. Каждый уважающий себя специалист исключает все варианты. Так почему же он даже не подумал об этом, не говоря о том, чтобы принять меры?

Потому, что поверил. Вопреки фактам поверил в невозможное, в невиновность жертвы. Он слишком привык доверять интуиции. А эта мышка с большими глазами обвела его вокруг пальца!

Дмитрий со злостью ударил кулаком по столешнице.

– Демон, ты решил мебель за свой счёт поменять? – иронично спросил женский голос, и в комнате разлился желтоватый свет, заставив специалиста заморгать.

– Мне, чур, красное дерево, – весело добавил мужской.

Алиса и Гош. Его друзья. Коллеги. Помощники. Странная парочка, пять лет назад надумавшая пожениться. Псионник послал фотографии на печать, встал из-за стола и потянулся.

– За работу. Дело на столе. Закрытая категория. Я за объектом.

– Радужен и весел, как всегда, – донеслось в спину бурчание Гоша.

Дмитрий взял у дежурного ключи, знаком велел тому оставаться на месте. Он хотел всё сделать сам. Пришла пора для второго раунда.

Он собирался будничным тоном сообщить ей о случившемся и переждать показную истерику здесь, в камере. Дать время, минут пять, пока они минуют пару коридоров и лестничный пролёт, чтобы она собралась с силами перед допросом. Сознательно дать ей чувство преимущества, надежду на то, что удастся выкрутиться, иначе она совсем не станет говорить. И так же сознательно раздавить его.

Она проснулась раньше, чем он вошёл. Села и прижала одеяло к груди. Чистые длинные

волосы рассыпались по плечам, на концах кокетливо завиваясь колечками. Да, она вымылась. Он сам принёс ей вещи и открыл душ. Голубая пижама с белыми тесёмками. Полосатые пушистые тапочки у кровати. Что ещё может понадобиться в *больнице*? И огромные глаза, спокойные, возможно, немного любопытные. Злость, так и не выплеснутая, но никуда не ушедшая, горькой желчью поднялась к горлу. Он снова начинал верить и сомневаться в собственной правоте.

Дмитрий схватил девушку за руку и стащил с кровати. Она вскрикнула. Одеяло упало на пол. Она потянулась за ним, но он наступил на угол, оставляя на сером казённом белье чёрный отпечаток подошвы.

Псионник выволок её в коридор. Девушка не успела надеть свои чистенькие мягкие тапочки и семенила за ним босиком, едва поспевая за широкими размашистыми шагами. Вид маленьких, очень маленьких, как у куклы, ступней на старом потёртом линолеуме доставил ему осязаемое эстетическое наслаждение. Должно быть, он извращенец.

Дежурный позволил себе лишь недоумевающий взгляд им вслед. Все знали: когда Демон работает, лучше не мешать. Тем более, он никогда не пересекал черту. По крайней мере, в тех рамках, что отличают человека от животного, его самого от объектов. Хотя некоторые не были в этом так уверены.

В кабинете он швырнул девчонку на диван. Добро пожаловать к великому и ужасному Демону. Это тебе не безликие комнатки аналитиков. Нравится? То ли ещё будет!

Ребята оторвались от бумаг, разложенных на столе, но промолчали. Они тоже умеют работать.

– Хочешь знать, к чему привело твоё упрямство? Хочешь? – тихо, словно он не был взбешён, сказал псионник и, выхватив из лотка ещё тёплые фотографии, швырнул ей в лицо. Размашисто. Веером. Чтобы они разлетелись по всему дивану. Чтобы она видела. Чтоб её глаза перебегали от одной картинки к другой и в них медленно проступало понимание.

Он хотел макнуть её в это дерьмо с головой. Измазать в грязи, в которой каждый день копался сам. Сорвать маску, навязанную кад-артом. Слишком часто он сталкивался с истинными лицами, умело спрятанными под личиной камня.

– Нравится?!

Но она, кажется, уже не слышала. Взяла один листок, второй, третий. Руки порхали всё быстрее, собирая в стопку белые и цветные прямоугольники. И наконец добрались до последнего, он специально распечатал его крупнее остальных. Её отец, Сергей Артахов, безвольно распластавшийся головой на клавиатуре домашнего компьютера, из ушей и носа текут тоненькие струйки крови, а на мониторе крупными буквами, повторяясь бесчисленное количество раз, короткая надпись:

«Отдайте убийцу!»

Он знал, какой будет её реакция, даже ждал её, чтобы в очередной раз доказать себе, что все убийцы по сути одинаковые. Неприятие – более трагический вариант на тему «этого не может быть» и «невозможно». Далее – констатация факта: «о боже, какой ужас» и «почему это случилось с ними». Следом – отрицание вины: «я не хотела», «я не знала», «я не могла» и так далее. И завершающий, большой жирный довод в свою пользу – слёзный поток. К этому аргументу прибегали все женщины без исключения.

К этому он был готов, даже допускал развитие небольших творческих импровизаций, не выходящих за рамки остального сценария. Ведь все они одинаковы, не так ли?

Он отвык ошибаться, и это полузабытое чувство ему не нравилось. Оно лишило

равновесия, уверенности. И заставило едва ли не возненавидеть ту, что спровоцировала его. Всегда ведь легче обвинять кого-то другого, не так ли?

Девушка отшвырнула в сторону снимки, словно мусор, не стоящий внимания. Вскочила и бросилась на него. Отчаянно, по-детски замолотила кулаками по груди.

– Где они? Что с моими родителями? Они живы? Отвечай, ты... ты... морозильник!

«Какое нелепое, ненастоящее ругательство», – подумал псионник, не двигаясь с места. Она даже больно не смогла ему сделать, дамы обычно предпочитают коготки. А это? Мотылёк, отчаянно бьющийся о стекло.

– Они в больнице, – ответил он.

Она закричала. Негромко, протяжно, словно раненый зверь. Её взгляд наткнулся на стоящий на краю стола телефон.

– Я должна позвонить, – девушка угрём скользнула к аппарату. – В какой они больнице? Бабушка. Бабушка должна знать, она всегда всё знает, и теперь...

Гош вытащил трубку из рук Лены, когда она уже лихорадочно тыкала в кнопки. Она посмотрела на него, словно впервые заметила, что в комнате есть кто-то ещё. Глаза распахнулись, заблестели слезы.

– Пожалуйста, – она протянула Гошу руку. – Скажите мне... они... они... он их... стер?

Помощник перевёл на Демона странный взгляд. Что это? Неужели осуждение?

– Неизвестно. Шансы пятьдесят на пятьдесят. Врачи говорят, физическое состояние стабильно, – вместо друга ответил Дмитрий.

Лена обернулась, сделала шаг... и вдруг рухнула перед псионником на колени.

– П-п-прошу вас, защитите их. Они ничего не сделали, пожалуйста, вы должны, – она плакала, уткнувшись лицом в ладони, такая маленькая, такая беззащитная. – Или... или отпустите меня, пусть он закончит, пусть только больше никого не трогает.

Он сжал руки в кулаки и сунул в карманы. Что же ты, Демон? Ведь именно этого ты и добивался. Она сломлена. Почему же так необъяснимо остро хочется присесть рядом, коснуться ладонью пушистых волос, прижать её к себе и наврать, нет, пообещать, что все будет хорошо?

Он выпустил воздух сквозь зубы и отошёл к окну.

– Инцидент зафиксирован, выпустить тебя мы не можем, – псионник лукавил, такая процедура давно существовала. Не совсем то, что предлагала девушка, но далеко в поле была огорожена поляна. Полигон смерти. Туда выходили те, кто отрицал вину и требовал скорого суда. Возвращались единицы, те, кому по приговору блуждающих была дарована жизнь. Да, он мог бы пойти ей навстречу, но она попросила не по форме. Он зацепился за это несоответствие, потому что знал, что не отпустит эту девушку туда. Не отпустит, пока не разгадает загадку. Есть процедура – есть несоответствие.

– И дать защиту твоим родным не в нашей власти, – ещё одна полуправда. Нирра Артахова наверняка уже приняла меры, но в таком состоянии, когда страх за родных вытеснил все мысли, девушка была не способна рассуждать логически. Дмитрий выдержал паузу и весомо добавил: – Пока нет официального признания.

Она застонала и замотала головой.

– Без санкции мы не можем вмешиваться. Разве что они сами напишут заявление.

– Почему... почему всё так...

Псионник знал эти обречённые интонации, не важно, какие слова произносятся, важно, что следует за ними.

– Я не знаю, в чем сознаваться! – её отчаянный затихающий крик слышали, наверное, и дежурные. – Да придумайте же что-нибудь! В конце концов, есть нераскрытые дела. Скажите... я всё напишу... о чём угодно... всё равно...

Он дёрнулся и, подскочив к девушке, рывком поставил её на ноги. Алиса предупреждающе вскинулась:

– Демон, остановись!

Он не обращая внимания, схватил эту упрямую мышку за плечи и встряхнул:

– Ты понимаешь, о чем просишь?

– Понимаю, – она смотрела на него сквозь пелену слёз ясными прозрачными глазами, скользкие влажные дорожки обрисовали на щеках причудливую сетку, губы опухли и подёргивались.

Опять это странно зыбкое чувство, что он не владеет ситуацией. И злость. Злость оказалась сильнее всего остального. Что, хочешь играть до конца? Пожалуйста!

Дмитрий толкнул её на стул, схватил первый попавшийся лист бумаги и, стукнув ладонью по столу, положил перед девушкой.

– Хорошо. Пиши.

Наугад псионник стащил со стеллажа несколько папок и стал просматривать, отбрасывая ненужные. Он понимал, что теперь уже его действия отдают дешёвой театральщиной, но остановиться не мог. Потому что тогда придётся поверить ей... убийце, опять...

– Так, здесь изнасилование, не пойдёт. А для этого нужна физическая сила. Нет. Не то, – очередное толстое дело в бумажном переплёте полетело на стол. – Вот. Нашёл. Девочка-подросток, замучена и сожжена заживо.

Она написала всё. Не поднимая головы, сгорбившись за столом, как столетняя старуха. Когда он начал перечислять мерзости, вроде отрезанных пальцев и выколотого глаза, девушка не остановилась, лишь покрепче сжала ручку. И не попросила остановиться. Он взял листок, едва она успела поставить число и подпись. Теперь всё. У него есть признание, которое тянет на пожизненный срок.

– Гош, в камеру её, – отрывисто приказал Дмитрий. – В общую.

Но Алиса опередила мужа, мягко вытащила ручку из окаменевших пальцев девушки и, обнимая за плечи, повела к двери.

– Нельзя её в общую, – ответил помощник. – Теперь нельзя, – и кивнул на исписанную бумагу, – Демон...

– Не надо, Гош. Я всё знаю сам, – он упал на диван. – Пусть Алиса займётся поиском. Отслеживать любые пересечения из списка. Все контакты, все смерти. По любым причинам, будь они хоть тысячу раз естественными. На тебе оперативка, пока по стандартной схеме.

– Зачем? – невесело усмехнулся друг. – У нас есть признание.

– Есть, – согласился Дмитрий и потёр глаза. – Дай мне час.

Разбудили его позднее, видно, впечатлённая Алиса уговорила мужа дать псионнику отдых.

– Демон, подъем, – потрянул его за плечо Гош. – У Алисы совпадение. Полное. Мы нашли его.

Глава 3

Двойник

Дмитрий ерошил влажные после душа волосы, торопливо просматривая найденные Алисой файлы. Этого просто не могло быть! Расширенный поиск выявил стопроцентное совпадение по имени, фамилии, отчеству и дате рождения. Они что, спятили? Для чего, спрашивается, существует единая имперская служба регистрации имён? Разве можно так называть ребёнка? Логика родителей Лены не хотела укладываться в голове.

По документам на экране выходило, что пятнадцатого мая в роддоме третьей областной больницы родились две девочки. Одна спустя несколько часов умерла. Была выписана справка о смерти, причём в графе вместо имени стояло: «младенец, женский пол». Вторую назвали Алленария Сергиевна Артахова. Кстати, а почему не оформили свидетельство о смерти? Очередная бюрократическая ошибка? Злой умысел или преступная глупость?

– Это ещё не всё, – многообещающе сказал Гош, подавая распечатки.

Точно. Родителями умершей девочки также числились Златорианна и Сергей. Отцом Лены были подписаны документы на захоронение и выкуп участка. И именно в этом документе впервые появляется имя, снова Алленария Сергиевна Артахова. Ещё одна.

– Почему нет свидетельства о смерти? Как стало возможным захоронение со справкой, в которой написано лишь «младенец»? Когда в договоре появилось имя живой девочки?

– В больнице выдают медицинское заключение, – ответил Гош. – С ним уже идёшь в органы и получаешь свидетельство. Потом на кладбище, оформляешь захоронение, возвращаешь кад-арт и остальные кристаллы, если есть, заказываешь поминальную службу. Сам, понимаешь? Никому, кроме тебя, это не нужно. Никто не будет за тобой бегать и умолять выправить свидетельство о смерти. Думаю, они просто не пошли, и всё.

– А насчёт захоронения, – добавила Алиса, – думаешь, им с такой фамилией откажут? Плюс люди они не бедные. Кто-то им помог, закрыл глаза на нарушения.

– Значит, девочек было две, – Дмитрий отложил бумаги в сторону. – Ладно, пусть у родителей плохо с фантазией и они смогли придумать только одно имя, но почему сейчас? Спустя столько лет?

Псионник отошёл к окну и закурил, опомнился, смял сигарету. Вкус дыма был горек. Первый срыв за месяц.

Всё правильно, они нашли блуждающего. Недаром в империи такая петрушка с именами творится. Призраки ненавидят своих, как говорится, живых тёзок. Смертельная атака последует незамедлительно. Учёные давно уже доказали, что призрак атакует только тех, кого знал при жизни, и это правило работает всегда, кроме одного, но очень важного исключения – вернувшиеся «оттуда» смертельно ненавидят не только своих убийц, но и тех, кто носит с ними одинаковые имена. Такое понятие, как «тёзки», давно уже используется только в науке, так как в реальности такие совпадения не встречаются, вернее, не должны встречаться. Как только ни называют сейчас детей, язык сломать можно, но, с другой стороны, это гарантирует детям неприкосновенность блуждающими. Кстати, на прозвища это правило не распространяется. Психологи до сих пор спорят, почему так: то ли призраки грамотные пошли, то ли причины в глубинных связях имени и личности, то ли в ещё какой околонушной чуши.

Демон затушил сигарету и вытащил листок с вчерашним признанием Лены, скомкал и кинул в пепельницу.

– С возвращением, Дима, – сказала Алиса и впервые за утро улыбнулась.

Правда, неясное чувство, что он не владеет ситуацией, лишь усилилось. Откуда у младенца, пусть и блуждающего, что само по себе редкость, столько пси-сил? Почему атаки начались спустя двадцать пять лет?

– Что-нибудь ещё? – он взял куртку со стула.

Супруги переглянулись.

– Анализ проб из лаборатории будет к обеду, наш и палисадский. Отчёт из корпуса правопорядка ждём не раньше завтрашнего утра, – отчитался Гош.

– Уже отработали?

– Да, я их ещё ночью послал. Разыграли вариант с заложенным взрывным устройством. Эвакуировали жильцов и под предлогом поиска бомбы обыскали всё. Отпечатки пальцев сняли даже с потолка. Хорошо, прибирать ничего не пришлось. Поиск есть поиск.

– У меня тоже пусто. Других совпадений не найдено. В компьютере у девушки ничего интересного. Расписание занятий, приглашения на турниры, заявки, договоры аренды. По списку контактов ни одного совпадения. Все живы-здоровы.

– Привязку возьмите на себя, – отдал распоряжение Дмитрий. – Я увезу жертву. Алиса, приведи её, – он посмотрел на часы. – Начинайте не раньше часа дня. Как закончите, доложишь. Вернусь к вечеру, в крайнем случае, завтра с утра.

Алиса кивнула и вышла.

– Куда едешь? – Гош выдвинул кресло и уселся на место псионника.

– В Палисад.

– Спорим, она не знала о сестре! Родители ей не сказали, – друг покачал головой.

– Вот и проверим, – Дмитрий вынул из ящика стола зеленоватый кад-арт, подержал, словно определяя вес, и, накинув куртку, вышел из кабинета.

Девушки стояли в конце коридора, маленькая щупленькая Лена напоминала куклу.

Его стараниями сломанную куклу.

Лицо бледное, отрешённое, движения замедленные, словно она преодолевала сопротивление воздуха. Одежду, в которой её сюда привезли, постирали. Мятые брюки, полинявшая от горячей воды кофта и чёрная куртка с приставшими неведь откуда белыми пушинками. Услуги казённой прачечной оставляли желать лучшего.

– Спасибо, Алиса. Дальше я сам.

Алленария никак не отреагировала на смену конвоира. Не вздрогнула, когда он взял за руку, не заплакала, когда вывел на улицу, ничего не спросила, когда усадил в машину. Черт!

На кладбище никого не было. Из живых. Могильник – не самое популярное место в стране. За захоронениями ухаживали специалисты-служители и получали за это неплохие деньги.

Квадрат «Ц», тридцать четвёртая линия, блок пять – именно там была похоронена сестра Лены. Девушка послушно вышла с ним из машины и застыла у ограды каменным изваянием. С таким же успехом он мог подвести её к краю обрыва.

– Лена, – Дмитрий развернул её лицом к памятнику. – Я попрошу тебя только об одном. Прочитай эту надпись.

Он сжал руки на плечах девушки, наклонился и прошептал в самое ухо:

– Пожалуйста. Прочти. Ради твоих родителей.

Руки под пальцами шевельнулись, голова качнулась, еле заметный разворот в сторону могильного камня.

Псионник чётко уловил момент, когда смысл надгробной надписи дошёл до её сознания. Она выдохнула и расслабилась.

– Я что, уже умерла? – от облегчения, явственно различимого в голосе, у Станина чуть волосы на затылке не зашевелились.

Она обрадовалась. Слишком много всего свалилось на неё в один день, да и он ещё добавил. Преступление, в котором Лена созналась, чтобы защитить родителей, сулило пожизненное заключение. Прекрасный стимул для жизни!

– Нет, – Дмитрий сказал это немного резче, чем намеревался. – Нет.

Псионник развернул девушку к себе лицом и, набрав побольше воздуха в грудь, как перед прыжком в воду, заглянул в глаза. Там была растерянность, непонимание и боль.

– Ты жива, – чётко выговаривая каждое слово, сказал он.

Девушка вырвалась из рук и повернулась обратно к надгробию.

– Но здесь написано, что это я.

– Нет. Эта девочка умерла ещё в младенчестве. Посмотри на дату.

Она посмотрела и стиснула пики низкой ограды.

– Но я...

– Знаю. Вы родились в один день. Мы предполагаем, что это твоя сестра-близнец. Если бы мы только узнали об этом раньше, – он встал рядом и облокотился на забор.

Он ждал. Злости, упрёков, негодования. Приготовился выслушать всё и о себе самом, и о псионниках, и о службе контроля. Дмитрий мог бы возразить, объяснить, что ни один идиот не назовёт одного ребёнка в честь другого. Что это просто счастье, что компьютер, запрограммированный на поиск пересечений, выдал подобную ссылку и внимательная Алиса обратила на неё внимание, а не списала на простой сбой. Мог бы, но не стал. Он приготовился молча слушать. Она имела право высказаться.

Минута уходила за минутой, а Лена всё так же неподвижно стояла, не произнося ни слова. Псионник испугался, что она снова впала в странное оцепенение. Но нет, вот она повернула голову, и ветер отбросил волосы на его рукав и прижал. Колечки зацепились за собравшуюся на локте ткань. По коже побежали мурашки, будто сквозь куртку он мог почувствовать лёгкие покалывающие прикосновения.

– Я не знала... не знала о ней, – сказала девушка. И вдруг, вцепившись в ограду, закричала туда, в пустоту, в холодный гранитный камень: – Они и твои родители тоже!

Она взывала к давно умершей и забытой девочке. Изливала боль на ту, которой всё равно. Ему было бы легче принять всё это на себя.

Дмитрий схватил Лену и прижал к себе. Пусть так, пусть она лишила его своего гнева, но право на утешение, пусть такое недолгое и неловкое, от чужого, по сути, человека, он никому отдавать не собирался. Ведь это единственное, что он мог предложить сейчас. Единственное, что она, возможно, примет.

– Послушай. Я должен тебе кое-что сказать, – заговорил псионник, когда она затихла. – Я не хочу, но должен. Вчера, – она замерла, окаменела в его руках, – вчера я вёл себя не лучшим образом. И дело не в словах. Я готов подписаться под каждым из них. Добиваться признаний – моя работа. Просто я сорвался. Повёл себя, как стажёр, впервые столкнувшийся

с жертвами. Это недопустимо. И за это прошу прощения.

Она пошевелилась, подняла голову и посмотрела на Дмитрия с удивлением.

– Вы же не знали.

Она ещё его оправдывает. Он убрал руки. Он не вправе касаться её, не заслуживает.

– Привязку проведут сегодня, – сказал он будничным тоном и посмотрел куда-то поверх её головы.

– Она...

– Она будет против. Поэтому тебе лучше уехать, иначе атака может повториться.

Девушка вскинула руки к груди, инстинктивно пытаясь нащупать кад-арт.

– Пока рядом... пси-специалист, – Дмитрий чуть не сказал «я», – тебе ничего не грозит, но на всякий случай держи.

Он вытащил из внутреннего кармана её зеленоватый сапфир.

– Сопротивляемость я повысил на пять онн, – Станин поднял воротник, стараясь унять внезапный озноб, то ли от ветра, то ли от решения, которое принял. – Не хочешь пока навестить родителей?

– Хочу. Очень, – глаза Лены загорелись надеждой и благодарностью.

Скотина ты, Демон!

До города, где жили родители Лены, они домчались за четыре с лишним часа. Большую часть пути девушка проспала. Оно и к лучшему, слишком уж глубоко залегли тени под её глазами.

Старый Палисад – большой город по сравнению с Вороховкой и маленький по меркам Заславля, хоть и столица области. Дмитрий ни разу здесь не был, пришлось будить Лену, чтобы она указывала дорогу. Прав у неё не было, поэтому они немного покружили по улицам, так как там, где легко прошёл бы пешеход, либо висел «кирпич», либо знак, запрещающий поворот. Обычно в таких случаях он очень раздражался, но не сейчас. Алленарии можно было всё, даже ошибаться.

Дмитрий припарковался на стоянке для сотрудников больничного городка. Охранник, попробовавший было возмутиться, вовремя заметил продемонстрированный муляж кад-арта и заткнулся. То же самое было и с молоденькой медсестричкой, полной решимости не пустить посторонних в отделение реанимации. Со страшными псионниками предпочитали не связываться.

Больничные коридоры пахли хлоркой, лекарствами и отчаянием. Запах цеплялся за одежду, въедался в кожу, пропитывал и наполнял горечью. Сколько раз он сам приходил к жертвам атак, но так и не привык к подобному.

Палата под номером двенадцать тринадцать. Апартаменты на двоих. Жаль, не в отеле. Девушка помедлила, собираясь с духом, и толкнула белую, местами облупившуюся дверь. Большие незашторенные окна, куча пищащей и жужжащей аппаратуры, две кровати, на которых лежали люди, опутанные проводами.

– Алленария, – позвал тихий голос.

В углу стояла инвалидная коляска, в которой, кутаясь в вязаную шаль, сидела старуха. Стальная Нирра Артахова. Несгибаемая Карга. Единственная женщина, когда-либо возглавлявшая имперскую службу контроля, единственная, продержавшаяся на этом посту более тридцати лет и ещё при жизни ставшая легендой. Каких только страшилок не ходило среди псионников про эту женщину. Вот главная причина присвоения делу закрытой

категории.

Лена присела и, дрожа всем телом, прижалась к хрупкой старушке.

– Алленария, – повторила та и провела рукой по волосам девушки.

Один взгляд, брошенный Ниррой поверх плеча, и он понял, что может идти. С бабушкой-псионником Лена в полной безопасности. Дмитрий закрыл дверь, оставив их друг с другом и своим горем.

Странно – встретиться с этой женщиной так, обменяться одним взглядом и гадать теперь, что состарило несгибаемого псионника: случившаяся трагедия, годы или служба.

Усталый лысеющий врач, прячущий глаза за толстыми линзами очков, посвятил Станина в текущее состояние дел. Надежда на выздоровление есть, впрочем, как всегда. Первую, самую сильную атаку принял на себя Сергей, и сейчас он находился в коме третьей степени, поэтому медики не давали никаких гарантий. Мать Лены, Злата, попала под второй заход призрака, уже не такой интенсивный, тут прогнозы были более оптимистичны.

Демон в который раз посмотрел на часы. Если всё идёт по плану, Гош минут пятнадцать назад начал процедуру привязывания. Что ж, он тоже сюда не прохлаждаться приехал.

В здании поликлиники он прошёл сразу к заведующей, чтобы избежать лишних волнений и пересудов среди персонала. Готовность женщины помочь не пригодилась. Услышав, о чем речь, она с облегчением отослала псионника в женскую консультацию, история протекания беременности Златорианны Артаховой хранилась там.

«Там» оказалось на другом краю медгородка, быстрее было бы проехать на машине, чем топтать на своих двоих. Нужный корпус он определил просто, возле дверей прогуливались три женщины. Беременные. Очень. Он бы сказал, на последней стадии.

Здесь заведующим был мужчина, и он оказался менее сговорчивым. Только после звонка в службу контроля и подтверждения полномочий он выдал пухлую медкарту жертвы. Далее последовала просьба не увозить в неизвестном направлении столь важные для него лично документы. При необходимости врач предлагал снять копии. Дмитрию было всё равно, но сам бы он ни в жизнь не разобрался в медицинских терминах, не говоря уже о почерке. Так что они заключили сделку: заведующий расшифровывает записи, характерные для агента внешней разведки, а псионник довольствуется дубликатами.

Итак, Златорианна Ивановна Артахова, сорока семи лет, на сегодняшний день не страдала какими-либо существенными отклонениями от нормы. Первые и единственные роды в двадцать два года, больше беременностей не зафиксировано. Никаких патологий. Токсикоз, анемия на начальной стадии и простуда во втором триместре (от одного слова хочется под стол спрятаться). Алиса права, у него нет детей, и он ни фига в этом не понимает. Двойню никто не диагностировал, но это на то время обычное дело, аппаратов УЗИ нет. В общем, получите кота в мешке и распишитесь. Одна странность – в карте не было выписки из родильного дома. Ни сведений о родах, ни о рождённых детях. Лишь краткая запись о том, что ребёнок, один, девочка, поставлена на учёт педиатра в детской поликлинике. Заведующий не смог объяснить потерю документа, обещал устроить розыскание персоналу по всей форме, но в свете того, что врач, наблюдавший Злату в то время, уже десять лет как вышел на пенсию, звучало это неубедительно.

Обратно Дмитрий шёл в глубокой задумчивости, пытаясь расставить все факты в логическую цепочку. Зачем столько сложностей, чтобы скрыть умершего ребёнка? Это горе, а не позор. От кого хранили эту тайну? Родители очень хотели оградить выжившую девочку. От чего? От смерти или от проклятия имени?

Псионник так бы и прошёл мимо, если бы его не окликнули.

– Дмитрий Борисович!

Лена махнула рукой из-за ограды маленького больничного парка. Две аллеи, десяток скамеек, декоративные кусты, деревья и каменные урны. Надо же больным где-то гулять, хотя он предпочёл бы смог дороги условно чистому воздуху этой искусственной лесной полосы в комплексе с больничной койкой.

Пока он бродил по корпусам, Алленария вывезла бабушку на улицу. На этот раз бывшая глава службы контроля не ограничилась мимолётным взглядом, теперь он видел в её глазах то, что позволило ей стать единственной в своём роде, незыблемой, железной.

– Значит, это вы лучший сотрудник Адаиса, – Нирра не спрашивала, она констатировала не очень приятный факт.

– Да. Хотите оспорить? – дерзкие слова, глупые.

– А есть смысл? – тон старухи был ироничным. – Что узнали? – вопрос без перехода, он и сам это умел.

– Лен... Алленария рассказала о двойнике?

– Алленария рассказала всё.

– Бабушка, – девушка предупреждаяще положила свою узенькую ладошку ей на плечо.

И на миг, когда Нирра в ответном жесте накрыла её своей морщинистой рукой, на лице старухи проступило что-то другое. Связь младшего и старшего поколений, сколько бы ни твердили об их разобщённости временем. Любовь протягивает мосты и не через такие пропасти. У него никогда ничего подобного не было и, наверное, уже не будет.

– Именно таким я вас себе и представляла, – сказала женщина после паузы.

«Когда?» – горький вопрос так и не сорвался с его губ.

– Вы просмотрели медкарту Златы?

Ну, и кто тут ведёт расследование?

– Да. Но я хотел бы послушать, что вы сами помните.

– Думаешь, я впала в маразм?

– Что вы, я далёк от этой мысли, – к сожалению, тон Дмитрия если не доказывал обратное, то выдавал крайнюю степень раздражения. И почему она так его злила, эта беспомощная старуха?

– Я тогда постоянно жила в Заславле...

«В имперском корпусе, – мысленно добавил он. – И вам не было особого дела до сына».

«Да, – ответили её глаза, – я была занята».

– Сергей так радовался, строил планы. Я приезжала, видела огромный живот, трогала его, чувствовала толчки ребёнка. Всё было хорошо.

– Почему она рожала так далеко от города? Заштатный областной роддом, в соседнем районе не лучший выбор.

– Я сама испугалась, когда узнала, – Нирра покачала головой. – Тем более что у Златы были осложнения. Не спрашивай какие, я не врач. Перевру всё, сам рад не будешь. У нас в соседней области дача, дом. Весна, вот невестку и потянуло на природу. А роды – вещь непредсказуемая, где застанут, там и родишь.

– Вы знали, что родились двойняшки?

– Нет. И вот что я тебе скажу, Демон, – старуха выпрямилась и улыбнулась. – Сначала докажи, что это было именно так. Мой сын, выросший в семье псионника, никогда бы не назвал ребёнка мёртвым именем, – она подняла палец с толстыми шишковатыми суставами,

видя, что он уже раскрыл рот для возражений. – Никогда. Радость и хлопоты – вот что принесло нашей семье рождение Алленарии. Ни намёка на скорбь или похороны, это я могу тебе гарантировать.

– А я могу вам гарантировать, что кто-то записал эту девочку как вашу внучку. Назвал её, подписал документы именем вашего сына и снял деньги с его счета, чтобы оплатить расходы, – Дмитрий наклонился к старухе, стараясь говорить чётко, не привнося в доводы отголосок собственных эмоций.

– Тогда найди этого кого-то! Докажи, что ты не зря покинул тёпленькое местечко под боком у мамочки.

Это был удар под дых! Он это знал. Она это знала. Алленария чувствовала, потому что переводила обеспокоенный взгляд с бабушки на псионника.

– Козел, – сквозь зубы выругался псионник. – Ну куда ты прёшь?!

Дмитрий вывернул руль и нажал на тормоз. Всю дорогу он чувствовал, как медленно закипает, и пока изливал злость на других водителей. Где эти дебилы права получали?

Маленькая ладошка успокаивающе легла на его руку, заставляя помедлить и не газануть с места. Он вздрогнул, пальцы девушки были ледяными, тут же захотелось взять их в свои и согреть.

– Дмитрий Борисович, не огорчайтесь. Бабушка иногда бывает... – она замолчала, подбирая слово, и ему стало интересно, как охарактеризует Каргу любимая внучка, – строгой.

Прекрасно! Он что, нашкодивший школьник?

– Лен, давай на «ты». Когда ты так меня зовёшь, чувствую себя дедом. Я Дима, Димон, Демон, как угодно, но только не Дмитрий Борисович. Договорились?

Девушка кивнула, и уголки её губ приподнялись в подобии улыбки. Он сразу почувствовал себя лучше.

Видит Бог, он предлагал Лене остаться с бабушкой и родителями, но женщины, руководствуясь одними им понятными причинами, решили, что ей лучше вернуться с ним. Опасность устранили – час назад Гош доложил об удачном завершении операции. По результатам экспертизы, энергетические выплески совпадали на сто процентов, а также были аналогичны общему фону над захоронением. Конечно, он собирался ещё раз всё проверить. Но личность блуждающего они установили правильно.

Теперь призрак прочно заперт в четырёхугольнике своей могилы, а если всё же его упорства хватит на преодоление поставленной завесы, то он будет настолько слаб, что ни о каких атаках или материализации и речи быть не может.

Дмитрий отправил уставшего помощника отдыхать дня на три, не меньше. Насколько стало бы проще жить, имей они возможность привязывать всех умерших сразу же! Лет семьдесят назад подобный эксперимент уже проводился, но закончился он плохо. Псионники стали умирать от физического и энергетического истощения. Слишком много сил тратится на процедуру. Чтобы усмирить одного призрака без ущерба для собственного здоровья, требуется от трёх до пяти сотрудников среднего уровня или два высокого, а потом уже им нужно время для восстановления.

Он помнил свою самую первую привязку, ещё в академии на практике. После этого он еле мог двигаться, не говоря уже о том, чтобы соображать и разговаривать. Второй раз вышло легче, и третий, и четвёртый, и пятый. Втянулся, привык и уже не рассыпался на части после

каждой процедуры.

Из всех умерших блуждающими становятся процентов восемьдесят, а остальные двадцать – нет. Пять из них до сих пор по неизвестным причинам, а остальные пятнадцать – это псионники, умирающие, как обычные люди, но никогда не возвращающиеся.

Лично он очень рад, что не доставит после смерти никакого беспокойства ни друзьям, ни коллегам.

Глава 4

Друзья и враги

Этот человек был непредсказуем. Я краем глаза посматривала на Дмитрия, вцепившегося в руль. Бесполезно просить его сбросить скорость. Нет, возможно, он и послушается, но через пять минут забудет об этом и снова утопит педаль газа в пол. Как будто убегает от кого-то. Какие демоны, поселившиеся в его голове, не дают ему спокойно жить?

А мы с папой ещё называли маму стихийным бедствием. Нет, не надо. Не надо воспоминаний, от которых в груди разрастётся бездонная дыра боли и страха. Дай волю, и волна ужаса и паники накроет с головой. Захочется выть, кричать и кататься по земле. Невозможность что-нибудь предпринять, что-нибудь сделать для них, спасти доводила до отчаяния. Чтобы не сойти с ума, надо отодвинуть, заслонить чувства повседневными мыслями и делами. Чётко решить для себя, что родители поправятся и всё будет хорошо.

– Почему она называла меня убийцей? – спросила я, Станин повернул голову, но ничего не ответил. – Вы же... Ты же видел медицинские документы. Она умерла из-за меня?

Он даже не обернулся, но на скулах задвигались желваки. Что на этот раз его разозлило?

Лучше б он отдал моё дело той девушке-псионнику – Эми, кажется. Презрение и чувство превосходства можно перетерпеть, а вот его – нет. Он улыбался, что-то говорил, старался быть дружелюбным, но всё это не затрагивало холодных серых глаз. Словно оттуда, из глубины, за мной наблюдал кто-то другой, враждебный, колючий. Чужак, запертый в человеческом теле. Тот, который вытащил меня из постели той страшной ночью. Высокий, взъерошенный, беспощадный, злой. И одновременно холодный, отстранённый, словно учёный, наблюдающий за брошенной в огонь зверушкой. Пламя едва не сожрало меня. Стало вдруг всё равно, что будет дальше. Груз вины казался неподъёмным. Что значат слова и слезы, когда самые дорогие и любимые лежат при смерти?

На следующий день Дмитрий просил прощения. За то, что защищал моих родителей от меня. За себя. Непонятный человек. Не Димон, а Демон.

– Ты ни в чем не виновата, – псионник смотрел прямо перед собой, на улице уже стемнело, мы ехали по узкой неровной дороге. – Разве ребёнок может отвечать за это? Новорождённый младенец. Ни черта подобного!

– Закон выживания, – тихо сказала я. – У меня не было выбора, просто не могло быть. Логичнее было бы винить врачей.

– Логичнее, – эхом повторил мужчина.

Он остановился перед зданием службы контроля. Тусклый свет факелов освещал парковку, машин почти не было. Неудивительно, пока мы возвращались в Вороховку, время перевалило за полночь. Кабинет псионника, поначалу вселивший в меня чувство необъяснимой тревоги, в мягком свете настольной лампы показался даже уютным. Алый кожаный диван приобрёл тёплый кирпичный оттенок, стены потеряли режущую глаза белизну, а мебель, состоящая из одних металлических трубок, сгладилась рассеянным полумраком. Не пыточная, просто комната человека со своеобразным вкусом.

Дмитрий открыл верхний ящик стола и выгреб на столешницу кучу всякой мелочи. Знакомой. Мои вещи. Мобильный, кошелёк, ключи, зеркало, помада, упаковка салфеток,

пробник духов, пара рекламных листовок – всё, что было в карманах и сумочке.

– Могу отвезти домой, – Станин протянул мне телефон. – Или позвони друзьям, пусть заберут.

На дисплее мигало извещение об одиннадцати непринятых вызовах: два от бабушки прошлой ночью, три от бабки Вари, беспокоится, наверное, и больше всех от Влада, целых шесть штук. Сегодня мне надлежало быть на работе.

Два часа ночи. Влад, конечно, приедет и заберёт, и Ната поймёт, но, наверное, не стоит.

– Можно мне сегодня здесь остаться? – я кивнула на диван.

Опять этот странный, будто оценивающий взгляд.

– Или открой камеру, туда, наверное, ещё никого не успели заселить, – неловкая попытка пошутить, душой компании меня не назовёшь, я, скорее, из тех, кому умный ответ приходит в голову с опозданием минут на десять.

Некоторое время он приглядывался, словно надеясь отыскать во мне нечто новое, неизвестное, а потом махнул рукой в сторону дивана.

– Ложись. Мне всё равно надо работать.

Так я и заснула под монотонный шум машины, редкое перестукивание клавиш и лёгкое поскрипывание, раздававшееся каждый раз, когда псионник откидывался на спинку стула.

– Ты как? – третий раз за день спросил Влад.

У нас был перерыв между группами. Кружка приятно грела ладони, терпкий вкус чая сладостью оседал на языке. Ещё глоток, надо чем-то занять руки. И мысли. Работа хоть чуть-чуть отвлекала. Стоило представить себя дома, пялящуюся на телефон в ожидании известий, так сразу головой о стену удариться захотелось.

Владу я всё рассказала, да он и сам по моему виду понял, что что-то случилось. А вот соседям соврала. Дмитрий наплёл им каких-то небылиц про уличную кражу и повреждённую руку, так что бабка Варя устроила мне целый допрос. Нет, рука не сломана. Да, воришку нашли, имущество вернули, доказательство наглядно висело у меня на плече. Нет, замок менять не надо, ключи на месте, воспользоваться ими никто не успел. Впрочем, как хотите.

– Подумай. Может, поедешь? Я справлюсь, честно. Считай это незапланированным отпуском, – Влад всё ещё не оставлял попыток отправить меня к родным.

– Я подумаю.

Заманчиво. Уехать в Палисад, быть рядом с родителями, сидеть и держать маму за руку, разговаривать с ней. Вдруг они меня услышат и вернутся. Правда, бабушка сразу наложила вето на эту идею и настояла на отъезде. Но теперь, когда её нет рядом, разумные доводы начинали терять вес.

– У меня ещё две группы, – сказала я, поднимаясь.

– Одна. Старших возьму сам. Отработай с малышами, и домой. Хорошо? – Влад сжал мои руки и, наклонившись, вдруг коснулся моих губ своими. Сначала легко, едва-едва задел и согрел тёплым дыханием. Я замерла от испуга и неожиданности. А он прильнул жадно, требовательно. Было странно, с одной стороны, мне захотелось уцепиться за его шею и притянуть ещё ближе, а с другой... это было неправильно. Мы оба потом пожалеем об этом.

– Влад, остановись, – тихая просьба, когда он на мгновение отстранился.

Но Влад предпочёл не услышать. Я успела остановить его губы кончиками пальцев, которые он тут же, не смущаясь, поцеловал.

– Вот, – тихо сказал он. – Теперь у тебя не такое затравленное выражение лица.

Нервно рассмеявшись я уронила голову ему на плечо. Друзья помогают, даже когда ты не просишь, даже если ты предпочитаешь обойтись без такой помощи.

Дома никого не было. Теська в техникуме, если, конечно, не прогуливает, Арти в яслях на пятидневке. Бабка Варя на посту – на лавке рядом с кабинетом участкового. Там Варисса с единомышленницами оттачивает мастерство выведения всех преступных элементов района на чистую воду. Ну, а Семафор? Черт его знает, опять на промысел спиртного отправился.

В коридоре зажегся свет, ботинки с тихим стуком упали на пол. Я достала телефон и набрала бабушку, второй раз за день. Знаю, случись что, она тотчас позвонила бы, но пересилить себя не получалось.

– Алленария, – голос звучал скрипуче-укоризненно, – за последние несколько часов ничего не изменилось. Чего трезвонишь?

Не знаю, что насторожило меня больше – старушечий тон или сварливая фраза.

– Бабушка?

Шумный выдох в трубку, и снова родной голос:

– Извини, что-то не очень хорошо себя сегодня чувствую. Устала, наверное, да и голова болит.

– Могу приехать. Прямо сейчас. Хочешь? Ты не должна быть одна.

– Я не одна, Лена. Не надо. Это и так тяжело для меня, а если ты будешь под боком, совсем расклеюсь.

– К выходным я всё равно приеду.

– Тогда до выходных.

Вместо утешения разговор лишь добавил беспокойства. Нельзя так с бабушкой, какой бы сильной она ни была, у любой прочности есть предел. Предложение Влада обретало всё большую и большую привлекательность.

Я вошла в комнату, прикидывая, собрать вещи сейчас или подождать. Дверь была, как всегда, не заперта, и там меня уже ждали. Мужчина стоял сразу за порогом, и я едва не столкнулась с ним нос к носу.

– Добрый день, – поздоровался гость.

Сердце гулко стукнуло о ребра и провалилось куда-то вниз.

– 3-3-здра-авствуйте, – машинально ответила я.

Псионник, смутно знакомый, по-моему, он был тогда в кабинете у Демона, и ещё вроде девушка. Мужчина поднялся с дивана, и его заметно повело в сторону, качнуло, как на ветру. Пьяный? Нет, скорее, смертельно уставший. Выглядит как человек, не спавший несколько суток. Карие глаза с непомерно длинными ресницами ввалились, щетина отливала синевой.

– Дождлся наконец, – констатировал он и кивнул, словно соглашаясь с самим собой или одному ему видимым собеседником.

– Я... я, – связных слов у меня не получалось.

– Да. Вижу. Ты. И тебе надо умереть! Потому что ты убийца, – снова этот невообразимый кивок. – Так будет правильно.

Он сунул правую руку в карман и извлёк нож. Мой нож. Один из десятка, лежащих в кухонном столе. Я окаменела. Вид двадцатисантиметрового блестящего лезвия завораживал. Какое длинное, бесконечное, взгляд никак не мог охватить его целиком. Солнечный луч отразился и пробежался по кромке. «Самая лучшая нержавеющая сталь в стране. Удобная рукоять, идеальная балансировка. Самозатачивающееся лезвие, подставка в подарок – и всего

за девяносто девять», – вспомнились мне слова телевизионного зазывалы, тогда мне единственный раз пришлось в голову купить товар в телемагазине, и, по всей видимости, зря. Потому что сейчас этот позапрошлый лидер продаж испробуют на самой хозяйке.

Я закричала. Попыталась. На самом деле рот открылся, и из него вышли сиплые шуршащие звуки. Отпрыгнула за порог и хлопнула дверью. Он успел выставить ногу, створка отскочила в обратную сторону. Бежать, быстрее. Ноги двигались медленно, разумом я уже заперла входную дверь, поставив заслон между мной и псионником, а тело ещё делало первый рывок. Он был не в форме, я в панике. Не вписавшись в поворот коридора, я налетела на детский велосипед, опрокинула, упала сама, стукнувшись коленями. Но сейчас это не имело значения. Успела вскочить, и тут он меня догнал, схватил за волосы и дёрнул назад, на себя. Не рассчитал. Мы оба грохнулись на пол. Он снизу, я сверху. Разница в том, что в руках у него был нож.

Лезвие вошло мне над лопаткой и вышло под ключицей, противно царапнув кость. Вот теперь был крик. Звук рождался в горячей пульсирующей воронке раны. Не знаю, с чем сравнить, – моей самой сильной травмой были расцарапанные коленки да вывихнутые лодыжки. Не представляла, как боюсь боли. Звук превратился в жалобный скулёрж.

Псионник шевельнулся и спихнул меня с себя на бок. Рукоять стукнула об пол, посылая новый сгусток пламени в плечо. Я захлебнулась криком, горло отказывалось воспроизводить то, что от него требовали. Поднимаясь, он снова забубнил что-то, невозможно разобрать ни слова.

Он встал на колени и опустил руку мне на шею. Потом вторую. И надавил.

Весь мир сосредоточился на чужом отстранённом лице и этих сильных руках, не дающих сделать ни вдоха. Даже боль, вгрызающаяся в тело, отошла на второй план.

Я вцепилась в него здоровой рукой, пытаюсь ослабить хватку, оттолкнуть. Задействовала бы и раненую, но та не шевелилась. Специалист был порядком измотан и ненамного крупнее меня, но всё равно сильнее.

Когда чужое лицо стало расплываться, растворяться во внезапно сгустившейся темноте, раздался звон, а может, это уже в ушах зазвенело, и хватка ослабла. Воздух тоненькой живительной струйкой стал поступать в лёгкие. Я сипела, пытаюсь вдохнуть как можно глубже.

– Ш-ш-ш, – раздалось над ухом, и что-то холодное коснулось щеки. – Врачи сейчас будут.

Я сморгнула набежавшие слезы. Рядом сидела Варисса, между мной и незванным гостем.

– Не шевелись, – она провела мне по лицу чем-то влажным. – «Скорую» вызвала и имперский корпус. Ишь до чего дошли, середь бела дня девчонок резать начали. У-у-у, ублюдок, – зло выругалась она, ногой пнув лежащего.

Весь плац был обсыпан мелким зелёным крошечком. В таких бутылках продают самый дешёвый портвейн, Сёма их просто коллекционирует. Собрал столько, что в комнате уже не помещаются. Вот и выставляет потихоньку в коридор возле своей двери.

– Он псионник, – прошептала я, чувствуя, как боль снова начинает завладевать телом и сознанием.

– И что? – бабка была непоколебима. – Значит, ему всё можно, да?

Коммуналка быстро наполнилась людьми – врачи, люди в погонах и, по-моему, ещё кто-то. Стало шумно. Бабку куда-то увели в сопровождении конвоя. Судя по голосу, клятвенно обещавшему показать служивым, как надо работать, Варисса осталась довольна.

Мной занялись врачи. Укола я не почувствовала. Боль затихла, и стало хорошо. Дурацкий

скулёж, ввинчивающийся в голову, исчез, оказалось, хныкала я. Все вокруг плыло и шаталось, создалось впечатление, что лежишь на волнах. Люди в белом то и дело склонялись к лицу и постоянно говорили смешные непонятные слова. Что-то о кровопотере, кубиках, давлении. Всё стало отрывочным. Грязно-серый потолок с выпуклыми уродливыми сварными швами. Длинные коридоры с неровным полом. Много белого слепящего цвета и короткая острая боль, пробившаяся даже сквозь болеутоляющее.

Нож вытащили. Но наутро было такое ощущение, будто врачи, долго не думая, зашили рану вместе с лезвием. Горло было в относительном порядке – лёгкая хрипота, больно глотать и жуткий синяк на шее. Вот, собственно, и всё. Легко отделалась.

Звонила бабушка. Добрые люди ей сообщили о случившемся. Вызвалась приехать, но я отговорила её же словами, в том смысле, что толку от жалости и переживаний не будет.

Волнуясь за Вариссу, я ждала прихода следователей корпуса. Но пришли совсем другие люди. Вернее, пришёл. А я думала, мы попрощались навсегда.

Демон. Как всегда, небрежно одетый, светлые волосы растрёпаны то ли от ветра, то ли причесаться забыл. Отросшая щетина отливала рыжиной, серые глаза запали. Очередная ночь без сна?

Псионник пододвинул стул и сел, так же не отрывая от меня взгляда.

– Как ты?

– Нормально, – пожать плечами не позволила тугая повязка. – А как ваш... твой сотрудник?

Он запрокинул голову и потёр лицо ладонями. Что это – жест усталого человека или?.. Видимо, догадка отразилась на моем лице, потому что Станин вдруг усмехнулся:

– Переживаешь за него? Не стоит. С ним всё в порядке. Спит в соседней палате.

Я испуганно посмотрела на стены, пытаюсь угадать, за какой из них.

– Под охраной, – правильно истолковал мой страх Дмитрий.

Хотелось спросить: «Почему он, а не я?» – но были вопросы и поважнее.

– Варисса в тюрьме? Что она ему сделала?

– Отоварила бутылкой по голове. В результате – сотрясение мозга. Несильное. Хуже то, что Гош физически и эмоционально истощён. Не знаешь, с чего бы ему на тебя нападать?

– Нет. Варю отпустили? – снова спросила я, а он снова не ответил.

– Он что-нибудь говорил?

– Да, что-то насчёт того, что я должна умереть.

– А...

– Демон, – перебила я. – Что с Вариссой? Ответь, пожалуйста.

– Есть два варианта, – псионник поднялся и отошёл к окну, теперь мне был виден только профиль. – Первый: делаем всё по правилам. Два уголовных дела, двое подсудимых.

– Она меня спасла!

– Пусть суд решает: оборона или превышение допустимых мер самозащиты.

– А второй? – в горле пересохло от нехороших предчувствий.

– Дело уходит под юрисдикцию службы контроля, и мы расходимся без взаимных претензий. Ты не заявляешь на моего сотрудника, а он на старуху. Объяснение инциденту я придумаю.

– Рука руку моет, – вырвалась у меня расхожая фраза.

Псионник обернулся, на лице читалась неприкрытая злость.

– Да. К тебе это тоже относится. Если б не Нирра...

В палате воцарилась тишина. В одноместной палате. А ведь он, в сущности, прав, многим вещам, воспринимающимся как само собой разумеющееся, мы обязаны не собственным заслугам, а авторитету семьи. Разница лишь в степени злоупотребления. Стала бы Нирра так же прикрывать меня, если бы я всё-таки кого-нибудь убила? Хочется верить, что да.

Дверь открылась без стука, и в комнату вошла девушка. Та самая, психоник, работавшая над моим делом. Я открыла рот, но приветственные слова застряли где-то на полдороге. Дежавю. Мне такое уже приходилось видеть. Измождённое лицо, спокойный взгляд и подёргивание головой. Одно отличие – в руках шприц, а не нож.

Она не смотрела на Демона, и тот, почувствовав неладное, обеспокоенно спросил:

– Алиса? Что-то с Гошем?

Девушка замотала головой, не поймёшь – отрицает или соглашается. Всё произошло быстро. От двери до кровати три шага. Я пискнула, отползла на край и вцепилась в спинку. Паника вытеснила слабость и головокружение. Тело было таким неповоротливым. Я хотела встать, а вместо этого грохнулась на пол.

– Алиса, что ты... – закричал Демон.

Он перехватил её поперёк талии, стащил с кровати и вывернул руку в попытке вырвать шприц. Она зарычала. Как собака, у которой пытаются отобрать кость. Верхняя губа поднялась, обнажив ровный ряд зубов. Это удивило, звериные клыки или раздвоенный язык смотрелись бы уместнее, словно в моем воображении девушка перестала быть человеком.

Шприц выпал. Она вцепилась ногтями Демону в лицо. Если до этого психоник старался не причинять вреда своей сотруднице, то теперь включились инстинкты. Уже не заботливый начальник, недавно пытавшийся спасти друга. Это тренированный специалист, мало того, сильный мужчина, резко отбросивший девушку в сторону. Второго шанса приблизиться к себе Дмитрий не дал. Мгновенная подсечка – и Алиса с шипением упала.

Я смотрела и боялась. Боялась помешать, привлечь к себе внимание. Боялась, что Демон проиграет, и я останусь с ней один на один.

Психоник навалился всем телом, прижимая девушку к полу, стараясь обездвижить. Она выгибалась, рычала, пыталась кусаться.

– Лена! – крикнул он. – Зови на помощь.

– Кого? – пискнула я.

– Твою мать! Да кого угодно! Медсестру с успокоительным, санитаров, врачей, охранников, уборщицу, всех разом.

Дмитрий ругался, Алиса брыкалась, а я бросилась к выходу. Девушка уловила движение и, поняв, что намеченная жертва уходит, взвыла.

– Быстрее, – в голосе специалиста послышалась мольба. – Иначе мне придётся...

Нужды договаривать не было. Здоровой рукой опираясь на стены, я вывалилась в коридор. Никого. Вернее, никого, кто мог бы мне помочь. Пожилой мужчина в одиночестве сидел на лавке возле окна, неловко обхватив лысую голову руками. Заорать «помогите» казалось самым разумным. Дверь хлопнула, обычно тихий звук показался мне оглушительным. Старик поднял голову.

– Там, – губы пересохли, голос казался сухим и ломким. – Там психонику нужна помощь. Вы не могли бы позвать кого-нибудь?

Я ещё не договорила, а посетитель уже вскочил. Невысокий, упитанный, лицо круглое и

какое-то отчаянное, с полопавшимися сосудами под тонкой светлой кожей. Псионник. Муляж кад-арта подпрыгивал, тихо ударяясь об выпирающее брюшко. Старик бросился в палату, не удостоив меня и взглядом.

Вряд ли его можно считать полноценной помощью. Коридор казался бесконечным, со светлыми проёмами окон через каждые три шага. Закрытые двери палат. Ни один больной не показывался. Пост медсестры. Пустой. Но с телефонным аппаратом. Вызвать МЧС или имперский корпус? Взгляд скользил по гладкой поверхности стола. Ручки, скрепки, толстые тетради, эмалированная ванночка, наполненная водой, в которой покоится дюжина термометров, рядом лист с графиком температур.

Истории болезни, аккуратно собранные в стопки, песочные часы, пластиковые мини-стаканчики для лекарств и сбоку наполовину скрытая стоящим бумажным календарём красная кнопка экстренного вызова.

Я нажала не раздумывая. Охрана? Прекрасно, помощь дюжих дядек в камуфляже Дмитрию не помешает. Вызов реанимационной бригады? Тоже неплохо. В их арсенале наверняка найдётся успокоительное.

Почему здесь так безлюдно? Это госпиталь или декорации к фильму ужасов? По мере приближения к двери решимость стала утихать, а пост казался всё более безопасным. Прижавшись ухом к дешёвой фанерной створке, я прислушалась. Ни звука. А если девушка всё-таки разобралась с Дмитрием и тем стариком? Если натолкнусь на полные равнодушного спокойствия глаза на подергивающемся лице? Ладони вспотели, к горлу подкатила тошнота. Предплечье с каждой минутой болело всё сильнее и сильнее, не давая нормально соображать. В конце концов, выбора нет, Алиса легко меня догонит. Да и не смогу уйти, бросив псионника... псионников.

Я потянула на себя ручку двери. Всё оказалось ещё страшнее. Мужчины были живы, они стояли по обе стороны от безвольно распростёртой на полу девушки. Усмирять её уже не было никакой нужды. Она никуда больше не торопилась, как игрушка, у которой кончился завод, и она замерла, не в силах закончить начатое.

Глаза стали жить отдельной жизнью, запоминая, фотографируя каждую деталь. Раскосые серые глаза, устремлённые в потолок, навсегда застыли. Многочисленные веснушки на побелевшем лице, рот приоткрыт в намечающейся улыбке, руки согнуты в локтях, пояс светлой курточки сбил на бок, ноги раскинуты, строгая чёрная юбка задралась. Слишком ярко, слишком неправдоподобно. Когда всё успело превратиться в пародию на детектив?

Воздух, набранный перед входом в палату, с шумом вышел из лёгких. Мужчины дёрнулись и обожгли взглядами, один злым, другой обречённым. Старик закрыл лицо руками и осел на пол рядом с девушкой. Плечи дрожали, голова моталась из стороны в сторону. Захотелось уйти и оставить их всех здесь, представить, что ничто из этого не имеет ко мне отношения.

Злость, полыхавшая в глазах Дмитрия, сменилась растерянностью.

Я прислонилась к косяку и сползла на пол. Надо было убить меня сразу, там, на грязной дороге. Так было бы лучше. Для всех.

Глава 5

Старый дом

Дмитрий вырулил со стоянки перед службой контроля и поехал в госпиталь. Он взял себе за правило навещать иногда Алленарию. С того злополучного дня, когда погибла Алиса, прошла неделя. Семь суток, заполненных до предела. Псионник работал на износ, гоня себя до изнеможения, потому что стоило расслабиться, как разные мысли лезли в голову.

Как он мог допустить смерть девушки? Как он мог... *убить*? Нет. Станин гнал от себя страшные предположения, но они неизменно возвращались, как непрошенные гости, забирались в голову и лишали покоя. Вскрытие показало, что Алиса умерла от обширного кровоизлияния в мозг. Но легче ни ему, ни очнувшемуся три дня назад Гошу от этого не стало.

Адаис Петрович подал в отставку, Демон еле уговорил его подождать с официальным заявлением. Если он сейчас вступит в должность, к расследованию возврата не будет, да и времени для его проведения тоже.

Дмитрий кивнул охраннику, уже принимавшему пси – специалиста за своего, и въехал на больничную стоянку. Оставлять девушку без присмотра не стоило.

Служба контроля забрала оба дела себе. Дмитрий перевернул кучу бумаг, допросил всех, кого можно, выдвинул кучу версий и сам же их опроверг. Гош ничего не помнил с момента процедуры привязки. Все сотрудники, участвовавшие в операции, были изолированы и содержались под контролем врачей. Пока никто не проявлял признаков агрессии, не собирался сходить с ума и не порывался кого-либо убивать.

По отчётам, кровоизлияние, убившее Алису, по характеру один в один совпадало с атакой блуждающих, когда обозлённый призрак проецирует смерть в мозг жертвы. Гоша спасла соседка Лены, вовремя долбанувшая бутылкой.

«Да, – с горечью думал Станин, – мне всего лишь надо было вырубить её. А я не хотел причинить вред. Воистину – благими намерениями выстлана дорога в ад. В своё личное персональное чистилище».

Атак на псионников не происходило никогда. Просто потому, что не могло. Если люди разрушают временные тела блуждающих своими *живыми* биоритмами, то пси-специалисты могли то же самое проделать с их душами, и не просто привязать к месту, а стереть из мира навсегда.

В тот день он едва не вынул из Лены душу, заставляя раз за разом давать показания, записывая каждую деталь и восстанавливая картину до мелочей. Демон ушёл только по настойчивой просьбе врачей, почти угрозе подать официальную жалобу. Всю последующую ночь он боролся с желанием выпить, а вернее, напиться вдрызг. Не лучшая из посещавших его идей.

Результаты энергетических проб с Алисы легли к нему на стол незамедлительно. Тот же самый след, что при нападении на Алленарию и её родителей. Дмитрий не поленился съездить к могильнику и проверить привязку.

У ограды он ясно чувствовал тугую вязкую стену, мягко завибрировавшую при приближении. Стену, которую ему пересекать нельзя. Ни отклонений, ни открытых каналов.

Единственное разумное объяснение не подтвердилось. Палка о двух концах. Такие, как

он, могут убить блуждающего здесь, в обычном мире, а призраки – таких, как он, в своём. Свести с ума болью, забраться в голову, заставить убивать. Когда в последний раз такое было? Очень давно.

Что будет, если привязать призрака не к могиле, а к себе? Псионники прошлого дорого заплатили за ответ на вопрос. Каждую минуту, час, день блуждающий будет проверять привязку на прочность, рваться, как пёс с поводка. Этим он выпьет специалиста до дна, осушит через канал, как через соломинку. И даже когда сил у человека не останется, он будет пить, пока не вывернет его наизнанку, как целлофановый пакет, перетянет разум в свой мир, а тело оставит в этом.

Последний из псионников, кто держал блуждающего на привязи вместо домашнего животного, разбил голову о стену ещё до рождения Дмитрия.

Специалисты знали границы, которые им не дано пересекать.

Привязка была на месте. Правильная, по всем канонам. Призрак был заперт в прямоугольнике собственного захоронения.

И тем не менее специалисты, спустя несколько часов после процедуры, вдруг решили пойти и убить, да не кого-нибудь, а Лену.

– Как же ты забрался им в головы оттуда? Как? – спросил Демон.

Если дело получит огласку, народ снова начнёт сжигать таких, как он, на костре. Во избежание.

Как объяснить одержимость друзей? Потерю памяти Гоша?

Одержимость – вот ключевое слово. Одержимость мстью, смертью, жадой убийства. Стремления, присущие как людям, так и призракам. Всё сходится в одной точке. Жертве. Алленарии. Надо начинать всё сначала.

Когда он вошёл, девушка сидела на кровати, на коленях лежала раскрытая книга. Всегда на одной и той же странице, за неделю Лена не продвинулась дальше первой главы. Не одного его одолевают беспокойные мысли. Она подняла глаза. Он был готов поклясться, в них промелькнуло облегчение. Привыкла к нему, к его визитам, всегда точным и неизбежным. Ждала, пусть даже бессознательно. Эта мысль неожиданно согрела Дмитрия.

– Сегодня на выписку? – бодро поинтересовался он.

– Вроде бы, – тихо ответила Лена, – врача ещё не было.

– В таком случае есть ещё время собраться.

Складывать вещи одной рукой было неудобно, но она не просила о помощи. Он уже достаточно изучил её, чтобы знать: это не гордость, а нерешительность.

– Знаешь, тебе придётся задержаться у нас на какое-то время, – сообщил неприятную новость Демон, передавая брошенную на кровать книгу.

– На какое? – девушка замерла с неловко вытянутой рукой.

– Ненадолго. Для твоей же безопасности, – Дмитрий приблизился. – В камере, конечно, не сахар, но иначе я не смогу тебя защитить, – Станин дотронулся до кончиков холодных подрагивающих пальцев. – А хочешь, можешь пожить у меня.

«Что ты несёшь, Демон!» – отвесил себе мысленную оплеуху псионник. Фраза, пришедшая на ум внезапно и вылетевшая интуитивно, на поверку оказалась пошлой и лицемерной. Предложение-то с душком, хоть он и не имел в виду ничего такого. По крайней мере, в первый момент.

Всё равно она откажется, заставив его почувствовать себя неважно.

– А... – девушка открыла рот и закрыла, не решаясь продолжать, – ваша семья не будет

возражать? Я не стесню?... – её голос становился всё тише и тише.

– Я живу один, – Демон убрал руку в карман.

– Лучше так, чем снова чувствовать себя запертой, – слова дались девушке с трудом.

Дмитрий кивнул, боясь сказать что-нибудь неловкое и всё испортить.

Наладить рабочий процесс в новых условиях оказалось просто. Папку с делом Дмитрий постоянно таскал с собой, пара звонков решила вопрос с текущими документами, которые теперь поступали прямо на домашний компьютер. С бытом сложнее. Едва войдя в его двухкомнатную квартиру, девушка недоуменно осмотрелась и, кажется, даже принялась.

Дмитрий машинально втянул носом воздух. Нет. Вроде ничем не пахнет. Ничем, кроме пыли, затхлости и заброшенности. Словно он уезжал в отпуск и только сейчас вернулся. Всё правильно, последний раз он заходил домой дня три назад, за одеждой, не пробыл и пяти минут.

Из еды в доме был кофе, заплесневелые остатки когда-то белого батона, полпачки масла и открытая банка сгущёнки. Да-да, сразу видно, что он гостеприимный хозяин. Пришлось съездить в ближайший магазин. Закидывая в тележку первые попавшиеся продукты, Станин не мог отделаться от мысли, что к его возвращению квартира опустеет. Она передумает и уйдёт, тихонько, как развеивающийся поутру сон, не оставив даже следа. Лена поднимет так и не разобранный сумку, наденет туфли, накинёт на плечи куртку, откроет дверь. Замок с тихим щелчком захлопнется. Её тихие шаги мерным перестуком отскочат от грязно-зелёных стен подъезда.

Анализировать это сумасшествие он так и не решился. Главное, Лена не ушла. Сидела на диване в той же позе, что и раньше. Про сигареты он сегодня даже не вспомнил.

Компьютер мерно гудел, к сожалению, не заглушая другие, более интересные звуки. А может, он слишком прислушивался. К лёгким шагам в другой комнате, к шуршанию, резкому вжику молнии и скрипу кровати.

Дмитрий несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул. День тянулся, словно резиновый, а впереди ночь, и не одна.

– Лена, – позвал он, пусть лучше будет перед глазами. – У меня есть к тебе вопросы.

«Опять!» – восклицание немим укором застыло в её глазах. За последние дни он углубился в её жизнь, насколько это вообще возможно для постороннего человека. Но ни одной жалобы пока не слышал.

– Посмотри внимательно на этот документ, – Демон протянул девушке пожелтевшую от времени бумагу, – не торопись.

Она взяла листок аккуратно, двумя пальцами, бегло просмотрела. Дрожь в руках выдала её волнение. Лена опустила на диван.

Договор на захоронение и последующее обслуживание, заключённый Сергием Артаховым двадцать пять лет назад.

– Это писал отец, – ни охов, ни слёз, ни сомнений.

Он это уже знал, почерковедческую экспертизу провели в первую очередь.

– Пункт пять один, – привлёк Дмитрий её внимание.

Без экспертизы было видно, что именно этот пункт был заполнен другой рукой. Чуть более светлая паста, другой наклон букв, нажим на бумагу. Кто бы это ни писал, он и не думал скрываться или подделывать почерк.

Лена наклонила голову, закусил губу и вдруг улыбнулась. Несвоевременно,

необъяснимо, но так красиво.

– Я не знаю, кто это писал. Не мама. Не бабушка. Не папа, – чётко ответила девушка, глаза сверкнули, не радостно, нет, но как-то живо, впервые за всё время их знакомства.

Пункт пять один: фамилия, имя, отчество, дата рождения, раскладка камней. Сергей Артахов, заполняя договор, пропустил этот абзац. Не хватило смелости придумать имя мёртвому ребёнку? Хотелось забыть, словно эта девочка никогда не существовала?

Имя дали позднее, Дмитрий уверен. Осталось найти кто.

– Позвони... бабушке, – странно было так называть Нирру, – я хотел бы взглянуть на ваш дом.

– Зачем? Я могу поехать туда, когда захочу. Это и мой дом.

– Позвони, – повторил Демон и отвернулся.

Было неприятно. Он снова проверял её.

Станин прислушался к тихому разговору и вновь открыл папку.

– Её срочно вызвали в столицу. Она... занята, – Лена была растеряна. – Родители пока без изменений, и она... уехала.

– Что с домом?

– Можем ехать хоть сейчас, ей не до...

«Нас», – мысленно закончил он. Несгибаемая Карга вновь на боевом посту. Судя по лицу девушки, такая бабушка ей нравилась меньше.

– Куда поедет? – выделяя первое слово, спросил Дмитрий, выкладывая на стол копии двух похожих документов.

Свидетельства о праве собственности. Два участка, два дома, два собственника. Артахова Нирра и Артахова Златорианна. Первый приобретён полвека назад, второй через месяц после рождения Алленарии. Располагались они хоть и в разных местах, но в непосредственной близости от областной больницы, где появились на свет девочки.

– Дом в Суровищах уже не наш. Бабушка продала его, давно, и купила другой.

– Нет. Старый дом по-прежнему принадлежит Нирре. Ты там когда-нибудь была?

Девушка отрицательно мотнула головой.

– Что ж, раз мы получили разрешение... – Демон встал. – Поехали? А на обратном пути в Палисад завернём.

Две точки на карте – деревня Суровищи и посёлок Литаето Дистамирской области. Литаето ближе, а Суровищи аж на границе с национальным имперским заповедником. Но уж лучше провести время в дороге и переночевать в пустом доме, чем оставаться здесь. В своей квартире, где он чувствует себя хозяином, где в голову лезут мысли о девушке, которая красива, молода и совсем не для него.

Шины шуршали, соприкасаясь с плохоньким асфальтом, колеса метр за метром, яму за ямой отмеряли отрезки пути. Раньше Дмитрия всегда раздражали разговорчивые попутчики, не дающие насладиться дорогой, отвлекающие от раздумий и заставляющие вежливо отвечать на бестолковые вопросы. Но сейчас очень хотелось услышать голос Алленарии, узнать, о чем она думает. Маленькая вертикальная складочка на лбу девушки говорила о серьёзности бродящих в голове мыслей.

– О чем задумалась? – напрямую спросил псионник.

– О той записи, – Лена повернулась и продолжила: – Может, мы зря ищем виновного?

– Зря?

– Это не злой умысел, а случайность, стечение обстоятельств.

Он собрался возразить, но девушка подняла руку, сиди она ближе, эти пальчики могли бы... Демон крепче сжал руль и перевёл взгляд на дорогу.

– Заполняя договор, отец пропускает пару пунктов. Сейчас неважно почему. В администрации Вороховки рано или поздно замечают пробелы. Может, они не стали беспокоить отца, у них есть документы, ну там, свидетельство о смерти, в нем указано имя, – девушка закусил губу.

Такое объяснение как раз и ставит под сомнение так называемую родительскую любовь.

– Нет.

– Что нет?

– У них нет свидетельства о смерти. Его вообще нет, – пояснил Дмитрий. – И имя они не с потолка взяли, только не на нашей земле.

Кто-то живой дал мёртвой девочке смертельное имя. Притом что в справке о смерти чёрным по белому в нарушение всех норм было выведено «младенец, женский пол». Именно эта справка числилась в реестре документов. Ещё предстоит выяснить, почему работники Ворошков разрешили такое захоронение.

– Или, – быстро проговорила Лена, – там указан наш телефон. Работник набирает номер и спрашивает: «Как зовут вашу дочь?» Трубку вполне могла взять мама, она могла ответить, не раздумывая, не выясняя, из какой конторы звонят и в чем, собственно, дело. Сотрудник записал и успокоился, никто ведь не знал, что речь идёт о разных детях.

Дмитрий не стал отвечать. Лене простительна вера в сказки. Ему – нет. Каким бы ни был халатным работник, он не внёс бы в реестр имя без официального документа. «Алленария Артахова» – так записано в договоре. Так было выбито на могильном камне. Надо узнать, кто и когда вписал это имя в нужную графу.

Он понимал, почему Лена цепляется за любой нелепый, но такой оправдывающий её родителей вариант со случайными ошибками, оговорками. Если допустить мысль о череде глупых канцелярских ошибок, то тут же создаётся впечатление о довольно грамотной их организации. Если Артаховы действительно хотели скрыть смерть девочки, то проверить такое для Нирры – пара пустяков, но жизнь внучки она бы под угрозу не поставила. Сейчас стоило найти врача, который поставил подпись на медзаключении.

Дождя не предвиделось, лёгкие белые облака укрывали сдержанное осеннее солнце, чередуя свет и тень. Дорога уводила всё дальше на запад, и круглый, насыщенно оранжевый диск всё время висел перед глазами. Ёлки с отяжелевшими от длинных иголок и шишек ветвями подступали вплотную, пряча столбики с отметками, ржавые остатки полосатых ограждений и даже дорожные знаки.

Узкая трасса прорезала густой ельник. Вездесущие корни деревьев крошили старенький асфальт. Края дороги были взломаны молодыми побегами, искривляя затёртую разметку.

Суровищи – вымирающая деревушка, далековато для дачи. Ничего удивительного, что люди захотели избавиться от старенького пятистенка в глуши и перебраться в цивилизованное Литаево.

Почувствовав, что машина сбавила ход, Лена, которая уже успела задремать, пошевелилась.

– Приехали, – шёпотом сказал Станин.

Полтора десятка домов, две улочки, пересекающиеся под прямым углом и заканчивающиеся спицами журавлиных колодцев. Постройки давно потеряли свой изначальный цвет, тяжеловесные бревенчатые срубы, почти чёрные, разошедшиеся, словно

природа сама сложила памятники своим умершим сыновьям – деревьям. Наглухо заколоченные ставни, сады с пожелтевшими лопухами и бурьяном. Попадались, конечно, и исключения – заборы, в которых кто-то менял сломанные доски, почтовые ящики с номерами возле запертых калиток, занавески, проглядывающие сквозь мутные стекла.

Второй от перекрёстка дом с тёмной, почти неразличимой цифрой «десять» на перекошенном фасаде. Забор давно развалился. Всё заросло травой и диким виноградом. Ветерок шевелил пожухшие плети, тихонько шурша склонёнными к земле лентами осочника. Строение осело на один бок, грязные обрывки рубероида покрывали двускатную крышу, на дощатой двери красовался большой ржавый замок.

Дмитрий открыл багажник, достал лом и сунул фонарь в задний карман джинсов.

Грустно. И глупо. Зачем бросать недвижимость на произвол судьбы, даже если она тебе больше не нужна? Действие, не имеющее логического объяснения. Раньше за нестигаемой Каргой такого не наблюдалось.

Станин дёрнул дверь, но та не шелохнулась. Замок, старые петли, перекос косяка, проще выломать доски, чем пытаться открыть.

– На фотографиях здесь всё по-другому, – сказала подошедшая девушка. – Стены светлые, как какао, тёплые. Яблони цветут. Окна открыты, ветер вытащил наружу красные занавески. Мама любит этот цвет. Родители улыбаются, у папы в руках грабли, но держит он их так, словно впервые видит.

Демон криво улыбнулся, вставил инструмент между железной полосой навесного ушка и створкой. Нажал. Шляпки гвоздей, издав протестующий визг, приподнялись на полсантиметра.

– Не надо, – сквозь ткань куртки он почувствовал лёгкое прикосновение. – Я знаю, где ключ.

Девушка развернулась и пошла к старой яблоне. К деревянной кормушке для птиц, по-прежнему крепко привинченной к стволу отрезком тёмной проволоки. Квадратная площадка, за годы запустения потерявшая крышу, радовала пернатых торчащими столбиками и залежами прелой листвы на дне. Лена встала на цыпочки и сунула руку за заднюю стенку, соприкасающуюся с коричневой корой, чтобы через секунду вытащить зажатый между пальцами большой ключ.

– У нас в Литаево тоже есть кормушка, – пояснила она, передавая псионнику холодную, побуревшую от времени железку, – и запасная связка хранится так же. Это папа придумал.

Замок долго не поддавался. Дмитрий хотел даже вернуться к варианту со взломом, когда пружина натужно щёлкнула и освободившаяся дужка пошла вверх. Дверь приоткрылась и намертво застряла, отойдя от косяка на полметра.

Тёмный предбанник. Ржавые крюки для верхней одежды. Короткий, но широкий коридор. Первая дверь вела на кухню-террасу. Станин щёлкнул настенным выключателем. Ничего. Чёрный патрон без лампочки равнодушно свисал с потолка на сером шнуре.

Демон успел дойти до двери, ведущей в жилую часть, когда половица, громко хрупнув, раскололась. Нога по колено ушла в дыру, выроненный от неожиданности фонарь, звякнув разбитым стеклом, откатился в сторону. Лена вскрикнула. Он выругался. Дом ухнул. Застонал, отозвался скрипом каждой деревяшки, взметнул застарелую пыль и выдохнул на чужаков облако затхлого воздуха.

– Ты как? – голос Алленарии дрогнул от испуга.

Псионник вытащил ногу и заглянул в дыру. Под домом есть подпол, он легко отделался,

всего лишь рваными штанами.

– Нормально. Оставайся на месте.

Где одна гнилая доска, там и вторая.

– Подожди снаружи, – она замотала головой, и он пояснил: – Без оглядки на тебя я справлюсь быстрее.

На этот раз она послушалась, правда, не до конца. Сделала шаг назад и села на пороге, всем своим видом показывая, что дальше не пойдёт.

Лампочка в фонаре уцелела, и неровный свет перескакивал со стены на стену, с затёртых обоев на половицы. Дом был небольшой: кухня и две комнаты. В этот раз психоник шёл осторожнее, предварительно проверяя крепость досок. Иногда его окликала Лена. Смешно. Если б он куда-нибудь провалился, она бы точно услышала.

Какие бы тайны здесь ни прятали, сейчас от них не осталось и следа. Всё, что смогли, вывезли. Несколько стульев, стол с облупившейся столешницей, разобранная железная кровать, комод с незакрывающимися дверцами и кучей пыльного тряпья в глубине. На чердак Демон не полез.

Разочарование накатывало с каждым пройденным шагом, с каждой высвеченной деталью. Почему он уцепился за эту дачу? Что хотел здесь найти? Старые документы? Трупы, прикопанные в подвале?

Лена сидела в той же позе, только развернулась лицом к улице.

– Почему вы отсюда уехали? – спросил Станин.

Она подняла голову. Картина, наполовину реальная, наполовину дорисованная воображением, заставила его выдохнуть. Сидящая у его ног девушка, в больших глазах – надежда и вера. В него. Сильная, внушающая ответственность и заставляющая гордиться собой. Похоже, он пропал. И сам ещё не разобрался, рад этому или нет.

– Не знаю. Далеко ездить, колодцы часто пересыхают. По крайней мере, папа всегда был рад, что не надо больше тащиться в такую глушь.

– Почему не продали?

На этот раз она замолчала надолго, вспоминая или подыскивая правильный ответ.

– Может, не нашли покупателя.

– Может, – согласился он.

– Эй, хозяева! Есть кто живой? – закричали с улицы.

Демон придержал за плечо вскочившую девушку и вышел первым.

Глава 6

Колокольный звон

Парень был молодой и привлекательный. Забора давно не существовало, но он стоял на границе участка, не решаясь преступить невидимую черту. Стоял и улыбался.

– Здравствуйте.

Демон не ответил, подошёл и остановился в метре от незнакомца. Руки в карманах. Улыбка парня медленно увяла, глаза сузились, от уголков разбежались лучики морщин. А он не так уж и молод.

Я молчала, не понимая, в чем дело. От напряжения между мужчинами, казалось, сейчас заискрится воздух. Высокий, вытянувшийся в струнку Демон и едва достающий ему до плеча, но более крепко сбитый парень. В воздухе повеяло чем-то странным, чему не удавалось подобрать названия.

– Дмитрий Станин. Вороховка, – он пошевелился, звякнула вынимаемая цепочка. Показал муляж.

– Александр Немисов. Новогородище.

Точно такое же ответное звяканье. Ещё один псионник. Другим такие простые имена не дают, только прозвища.

– Далековато забрались, Вороховка. По службе или наследство осматриваете?

– Или. А сам?

– Местный. Тётку приехал навестить.

Напряжение спадало с каждым произнесённым словом. Не знаю, чего ждал Демон, но не этого. Всё окончательно развеял колокольный звон. Тяжёлый, ударивший подобно грому с небес, такой непохожий на мелодичные переливы церквушки у Ворошков. Словно набат. По коже побежали мурашки.

– К вечерне зовут, – прокомментировал парень.

– Кто зовёт? – выходя из-за Дмитрия, спросила я.

– Звонарь, вернее звонарка... звонница, тьфу. Монастырь тут у нас. Женский. Тойская обитель скорбящих. Не были?

Я замотала головой. Демон ни с того ни с сего положил руку мне на талию и притянул к себе.

– Я тоже всё никак не соберусь, – парень перевёл взгляд с дома на машину. – Здесь останетесь или домой на ночь глядя отправитесь?

Смысл вопроса ускользнул от меня, потому что крепкие руки неожиданно обхватили плечи, прижимая к сильному телу. Тёплое дыхание взъерошило волосы на затылке. Мысли разом вылетели из головы. И, самое странное, мне это понравилось. Ещё как.

– Есть предложение, – не обращая внимания на действия Демона, продолжал Александр. – Давайте ко мне. Ужин на столе, изба протоплена, кровать найдём. С утра, на свежую голову, отправитесь, а сегодня мне со скуки умереть не дадите.

Дмитрий наклонился к уху, словно собрался прошептать что-то интимное.

– Ну как?

– Отлично, – выдохнула я, говоря скорее об ощущениях, чем отвечая кому-либо.

– Ну вот и хорошо, – принял на свой счёт парень.

Дмитрий засмеялся и зарылся лицом в волосы.

Что он творит? Зачем?

Неважно. Пусть только не останавливается.

Изба у тётки Александра была тоже не ахти, но всё же жилая. Тропинки не заросли крапивой, но огород выглядел запущенным. Из будки выглянула сонная собачья морда, но ничего интересного в гостях не углядела и скрылась, не издав ни звука.

– Запойная она у меня, – по дороге объяснял парень. – Сколько ни звал в город, ни в какую. Накатался сюда до отрыжки. И главное, откуда спиртное берут, непонятно, ничего такого вроде не привожу, только продукты. Магазинов в округе нет. Сами гонят, что ли? Так искал...

Ступени крыльца за годы службы стёрлись, коричневая краска осталась лишь в нескольких местах по краям, в центре поблескивало оголённое дерево, отполированное бесчисленным количеством прикосновений.

– Много тут народу живёт? – спросил Дмитрий, услышав, что парень говорит о местных во множественном числе.

– Человек семь, не больше. Все одинокие, кому некуда податься. Не то что моей.

Было видно, что дому пытались придать подобие уюта. Полные ведра воды в сенях, чистый половичок у порога, пожелтевшие вязаные салфетки почти на всех горизонтальных поверхностях, даже маленький телевизор накрыт.

– Показывает? – полюбопытствовала я.

– Ещё как, – засмеялась вошедшая в комнату женщина.

Александр смутился.

– Две программы, да и то с рябью, – покаялся парень.

– Мне и этого за глаза, – хохотнула она. – Все соседи сбегаются смотреть.

Я с недоумением разглядывала хозяйку дома. Алкоголиков видеть доводилось. Взять хотя бы нашего Семафора – все пороки и пристрастия отражены на лице. А тут статная фигура, румяные щеки, отливающие сединой волосы заплетены в косу, глаза ясные, чистые, морщин и тех немного.

Женщина разглядывала нас с добродушным недоумением, круглыми, как у племянника, глазами, но если у парня они были темно-серыми, то у неё насыщенным карим цветом напоминали спелые вишни. Добротная драповая юбка и хлопковая блузка – всё старое, но чистое.

Кад-арта не было. Ещё один псионник? Не многовато ли для глухой деревушки? Я испуганно покосилась на Дмитрия, вдруг сцена на улице повторится. Но Станин усмехнулся и перевёл взгляд на стену. В углу рядом с иконами на вычурном гвозде с резной шляпкой висела цепочка с камнем. Золотисто-оливковая, словно из мутного стекла капля. Хризолит. Раз не носит, значит, хвостов нет. Сама, бывает, так же делаю. Делала.

Хозяйка плавно переместилась к накрытому столу, между делом успев представиться Ереей Авдотьевной, но тут же попросив звать по отчеству.

– Ну и наделали вы шуму, – без умолку говорила женщина, доставая из печи чугунную сковороду с дымящейся картошкой. – Чужих в наших краях лет пять не бывало. Я даже за стол не дала сесть, послала Сашку разузнать, кто пожаловал. Разговоров теперь на всю зиму хватит, – мечтательно протянула хозяйка, – за такое не грех и выпить.

Парень мученически застонал. Авдотьевна, метнувшись было к двери, развернулась,

уперев руки в бока.

– Небось набрехал, что мы тут пьём без продыху? – голос, поначалу возмущённый, вдруг стих. – А может, и вправду пьём, – уже миролюбиво согласилась женщина. – Чего ж ещё делать-то?

Саша натянуто улыбнулся и полез в буфет за стопками, глазами прося прощения за родственницу. Я вернула улыбку. Дмитрий расслабленно откинулся на спинку стула.

Бутыл, которую хозяйка водрузила на стол, поражала размерами и странным коричневым, словно чай, оттенком.

Ужин затягивался. Авдотьевна разливала, они пили, закусывая кто огурцом, кто хлебом, кто картошкой. За окнами стемнело, а спать никто не собирался. Женщина то и дело что-то спрашивала о нас, о новостях в империи и мире, о жизни вообще. Я и Александр что-то рассказывали, Демон пропускал половину вопросов мимо ушей, отвечая по большей части односложно.

– Какой, говоришь, дом они смотрели? – спросила изрядно захмелевшая хозяйка у Саши.

– Десятый, – нехотя ответил парень.

– Мертвецкую, что ли? – удивилась женщина – Неужто старая карга копыта откинула?

Дмитрий предостерегающе положил руку мне на колено и ощутимо сжал. То, что хотела сказать, я благополучно забыла, правда, от неожиданности подпрыгнула на месте. Псионник подался вперёд.

– А почему мертвецкая?

– Тётя... – простонал Александр.

– Чего тётя, – подперев голову рукой и явно настроившись на воспоминания, передразнила Авдотьевна. – Должны же люди знать.

Парень махнул рукой, мол, делай что хочешь.

– Мертвецкая потому, что мертвецы нынче там хозяева. Артаховы из-за этого и уехали.

– Нет там никого. Проверял, – вставил Саша.

– Мертвецы знакомые или со стороны кто прибился? – не обращая внимания на парня, спросил Демон.

– Свои, конечно. Чужих не держим, – хохотнула тётка. – Пашка-блаженный монахиню туда заманил и того... прибил, а потом и сам повесился.

– Пашка?

– Фамилии не знаю, врать не буду. Сирота. К монастырю прибился, помогал и им, и нам, кому чего. За еду работал.

– Почему блаженный?

– Кад-арта у него не было. Всё голоса слушал, мол, это ангелы с ним разговаривают, – Авдотьевна подняла почти пустую бутылку и разлила ещё по одной. – Пусть земля ему будет пухом.

– А что имперский корпус? Хозяева?

– Какой корпус! – горько ответила женщина. – Нирра прискакала. С кавалерией. Быстренько всё прибрали – и в монастырь. С настоятельницей договариваться. Видать, денег дала.

– Что ты болтаешь? – разозлился племянник. – Это же родственники, внуки, поди.

– Вот-вот, пусть знают, – не отреагировала тётка.

– Вы думаете, Артаховы как-то замешаны?

– Не-е-е, – замотала головой Авдотьевна, а потом задумалась. – Черт его знает. Когда всё

произошло, Сергей как раз жену в роддом повез, это точно. Дом пустой стоял. Но с другой стороны...

– Что? – не выдержала я.

– Кто из вас Артахов? – вдруг спросила хозяйка, приглядываясь при этом к псионнику.

– Я Артахова, – ответила я, прежде чем Дмитрий успел помешать.

Это почему-то смутило женщину.

– Не берите в голову, просто фантазии старой пьяницы.

Дмитрий подался вперёд, глаза стали цепкими, словно и не было до этого десятка тостов и стопок, наполненных чайной самогонкой.

– Мы должны знать правду, – прозвучало это очень твердо.

Александр странно крикнул, но промолчал.

– Твой отец, – Авдотьевна повернулась ко мне, – как это сказать... он красивый мужик, высокий, уверенный. Женщины всегда на таких смотрят.

– Я знаю, – облегчение отразилось на моем лице, хозяйка удивленно подняла брови. – Папе всегда слишком нравились женщины. Раньше мама злилась, ругалась. А теперь смеётся над ним.

– И правильно, – тётка хлопнула ладонью по столу, стопки мелодично звякнули. – Умная у тебя мама. Мужики они все кобели. Помню, мой неделями дома не появлялся, у...

– Может нам выйти? – иронично перебил хозяйку Александр.

– Так, чего вы не хотели говорить? – не отставал Демон.

– Монахиня. Молодая, красивая. Ей не в обители место, а на танцах. С чего ее в ваш дом понесло? Думаю, Сергия она искала. Да тот, как на грех, в роддом с женой подался.

– А Пашка откуда взялся?

– Заметил, поди, что Божья невеста на свидания бегаёт, себя не бережёт, не стерпел. Он же верующий был. Взял грех на душу. Да видать, не вынес, там же и повесился, – хозяйка тяжело поднялась, оглядела стол мутными глазами и, не сказав больше ни слова, раскачиваясь, ушла в смежную комнату.

Через минуту скрипнула кровать, и избу огласили рулады мощного храпа.

– Хм, – откашлялся Александр, – Дмитрий, Лена. Неприятности мне ни к чему, но тётку в обиду не дам. Если Нирра...

– Бабушка не такая, – твердо сказала я.

Что они все словно сговорились, изображают из неё эдакое чудовище. Да, она строгая, иногда резкая, но она – *обычный человек*.

– Никаких неприятностей, – заверил Дмитрий.

Я стала собирать тарелки, но Саша махнул рукой.

– Оставь, я сам. Ложитесь на террасе. Умывальник на доме за углом. Туалет справа по тропке до конца.

Демон остался на террасе, а я пошла умываться. А вот возвращаться было немного страшновато. Из-за поведения псионника Александр и Авдотьевна думали, что мы пара, и, открыв дверь, я вполне могу обнаружить одну кровать. Знать бы ещё, что нашло на Дмитрия. Я вспомнила тепло рук, тело пронзила дрожь, а в животе начала скручиваться спираль страха. Или предвкушения. Будь на моем месте другая девушка, она точно бы знала, что делать. Сама жаловалась на нерешительных парней, а теперь стою и не знаю, что делать.

Сколько я его знаю? И знаю ли? Не представляла, как скажу «нет». Если он меня обнимет, то вряд ли получится. Пора возвращаться, пока псионник не подумал, что я

утопилась в умывальнике.

Когда-то давно вытянутую, похожую на пенал террасу застеклили, переделав в жилую комнату. На полу стояла зажжённая лампа с треснувшим абажуром, отбрасывая на доски ровный матовый круг света. Всё остальное тонуло в сумраке. Вдоль стены друг за другом стояли два потёртых дивана, на дальнем спал Дмитрий. Не озаботившись ни раздеться, ни застелить белье, беленькой стопочкой лежащее на стуле, лишь укрывшись коротеньким байковым одеялом.

Кажется, я хихикнула, но тут же закрыла рот ладонью. Поделом. Идиотка. И мысли в голове идиотские.

Разбудил меня низкий гудящий звук. Сердце зашлось в тревожном ритме. Хотелось вскочить и заорать «караул» или «пожар». И, главное, так близко, громко, будто колокольня сразу за домом стоит.

– К заутрене звонят, – Дмитрий резко сел. – Черт, ещё даже не рассвело.

Небо на востоке едва алело, туманная дымка, предвестница настоящего утра, развернула на земле лёгкое, словно тюлевое покрывало.

– Надо сходить, раз зовут, – Станин потянулся – какой же он высокий – и зевнул. – Всё равно больше не уснуть.

– Куда? – не поняла я.

– В монастырь. Хочу задать пару вопросов об убитой монахине, – псионник стал натягивать ботинки. – Ты со мной?

– Но зачем? Ты же слышал, никто из нас к её смерти не причастен.

– Предпочитаю собрать побольше информации, а потом уж разбираться, – Демон посмотрел на меня, по-прежнему по подбородок закутанную в одеяло. – Ты идёшь?

По рукам побежали мурашки, и не только от утренней прохлады. Моё единственное суеверие. Люди верят в силу камней, верят в их предназначение. И я тоже пусть и отнекиваюсь, но верю, возможно, мне приятно считать себя единственным исключением. Кад-арт не просто так выбирает хозяина. Вдруг, попадая в обитель, мне не захочется возвращаться? Умом я понимала, что нельзя человека заставить, но страхи редко подчиняются голосу разума. Никогда не была в монастыре. А всё потому, что мой кад-арт – сапфир, камень монахинь.

– С одним условием, – я встала и отбросила одеяло, вряд ли можно найти что-либо соблазнительное в длинной футболке и повязке через плечо. Так и есть, судя по сжатым губам, я снова его разозлила, – мы придём туда вместе и уйдём тоже вместе.

Он продолжал стоять и смотреть на меня с непередаваемым выражением лица. Я схватила джинсы и стала торопливо натягивать. Хорошо хоть, кисть на больной руке рабочая, а то бы пришлось просить о помощи.

– Это глупо, но... – пальцы коснулись кад-арта на шее, – не хочу в монастырь.

– Никто не сможет тебя заставить.

– Вдруг я сама передумаю?

– Тогда вытащу тебя оттуда вне зависимости от твоего желания, – он смог выдавить улыбку. – Обещаю.

К Тойской обители скорбящих дороги как таковой не существовало, лишь тропинка через густой ельник. Вытоптанная дорожка, постепенно поднимающаяся в гору, словно

переплеталась с тоненьким ручейком, перепрыгивая с одной стороны на другую. Дмитрий протянул руку, чтобы в очередной раз поддержать меня, и тут же снова убрал, словно опасаясь касаться дольше, чем это необходимо.

Почему на людях он один, а наедине совершенно другой?

– Почему тебе Саша сначала не понравился? – начала я издалека.

– С чего ты взяла? – кажется, Демон удивлён.

– Между вами будто воздух сгустился, разве что искры не летели.

Станин остановился и поднял брови.

– Ты почувствовала?

Я не стала отвечать, в очередной раз перепрыгнув ручей.

– Пять столетий назад это называли магией, – Дмитрий в один шаг догнал меня и пошёл рядом. – Страшно представить, сколько псионников окончили свои дни на костре.

– И скольких пригрели сильные мира сего. Одна императорская семья держала не меньше трёх десятков.

– Ты говоришь о людях, как о собаках, – попенял он. – «Держали»! Мы что, коккер-спаниели?

– Извини, – я взяла его за руку и совершенно забыла, зачем, собственно, начинала разговор. – Значит, магия?

– Нет. Энергия. Наша энергия не внутри, как у всех, а снаружи. Наше «я», так называемая душа, надёжно спрятано под ней. Никакой мистики. Поэтому нам не нужны ни камень разума, ни камень сердца, ни камень души.

– Хвастаешься? – наши пальцы переплелись, но Демон тут же выдернул руку. Немного резко, даже жёстко, сомнения стали одолевать меня с новой силой.

– Объясняю, – он сунул руки в карманы, видно, чтоб больше не хватала. – Я должен был убедиться, что с парнем всё в порядке. Слишком удачно мы его встретили. Псионники в последнее время сходят по тебе с ума настолько, что впадают в буйство. Я дал ему понять, что ты со мной, под защитой, – Демон смотрел прямо перед собой, не поворачивая головы и избегая встречаться взглядом. – Прошу прощения за неприятные моменты. Не бойся, без крайней необходимости я до тебя не дотронусь. Даю слово.

Никогда меня так не спускали с небес на землю. Резко, чётко, со всего размаха. Я почувствовала себя воздушным шариком, который проткнули иглой. Холод побежал по телу, прочно обосновавшись где-то в районе груди.

Падать – это больно, даже если высота находится лишь в твоём воображении. Особенно если в воображении. Сколько иллюзий из нескольких объятий!

«Держи себя в руках, – скомандовала я себе. – Говори, спрашивай что угодно, но не молчи, не создавай паузу».

– Алиса, та девушка, которая... – слово «умерла» было благополучно опущено, – твоя подруга?

– Да, – глухо ответил он. – Коллега, друг и очень хороший человек. Хорошо, что Гоша спасли, а то Адаис Петрович совсем бы...

– Адаис Петрович? Твой начальник? – я могла гордиться собой, голос почти не дрожал.

– Да. Гош – его сын, а Алиса – невестка. Семья.

– Разве способности псионника не передаются через поколение, а не напрямую?

Дмитрий споткнулся на ровном месте и вот тогда уже посмотрел на меня.

– Кому знать, как не тебе.

– Редкое исключение, – я пожала плечами.

– На самом деле не такое уж редкое. По статистике, семьдесят процентов специалистов передают способности по линии крови, от деда к внуку. Пять процентов наследуют напрямую от отца к сыну, все остальные – дело случая. Потомки могут вообще ничего не перенять, ни в каком поколении, зато в роду, никогда не отмеченном даром, родится психиатр.

– Ты тоже унаследовал?

– Нет, – раздражённо ответил Демон, – я как раз из двадцати пяти процентов счастливицов. Мы пришли.

Ёлки закончились как-то разом, только что перед глазами стволы стояли сплошной стеной, а теперь расстилалось поле. Ни перехода, ни полосы подлеска, будто кто-то выкорчевал всё лишнее, а на освободившемся пространстве устроил кладбище.

Никаких оград, цветов или памятников. Земля, покрытая колышущейся ржавчиной осенней травы, почерневшие от времени кресты, торчащие под разными углами, как иглы из подушечки, таблички вместо фотографий. Маленький погост прямо у монастырских стен.

Дмитрий остановился и со свистом втянул воздух. Верхняя губа приподнялась в оскале, не хватало только рыка. Я снова почувствовала это странное напряжение, густой волной разлившееся от психонника.словно о шерсть потёрлась, того и гляди волосы дыбом встанут.

В следующее мгновение Станин схватил меня в охапку и потащил обратно к деревьям.

– Стоишь здесь и не двигаешься, – он прислонил меня к шершавому липкому от смолы стволу, – что бы ни случилось, оставайся на месте.

Один пронизательный, прибывающий к месту взгляд, и он быстро зашагал к погосту.

– Дмитрий!

– Стой там!

Тон не оставлял возможности для двояких толкований. Я замерла, не решаясь позвать ещё раз. Демон поравнялся с первым рядом крестов, остановился, задрал голову, словно прихлебываясь, встряхнулся и пошёл вперёд. Такое повторялось несколько раз, специалист застывал, как статуя, то над одним, то над другим захоронением, вслушиваясь, всматриваясь в только одному ему видимое «нечто», и двигался дальше. Кладбище было маленьким, не больше пятидесяти могил. Пройдя участок насквозь, он остановился перед высокими деревянными воротами и постучал. Вернее, от души попинал створки.

Что делать? Он войдёт, а я останусь. Одна. Буду метаться, думать, представлять, «что было бы, если бы», и в итоге всё равно пойду следом. Так есть ли смысл ждать? Сердце бешено заколотилось о ребра, все предыдущие душевные переживания показались сущей ерундой.

Сопротивляемость кад-арта повышена, психонник рядом. О какой опасности может идти речь? Даже страх перед обителью был забыт. Тихонько, маленькими шагами я стала обходить поле по кромке леса, чтобы раньше времени не попасться ему на глаза, а потом бегом по открытому участку, напрямик к воротам. Пусть ругается, мне плевать, но без него я здесь не останусь.

– Я где велел ждать? – Станин даже не обернулся.

– Демон...

Один раз я уже видела его таким. Не просто злым, а в бешенстве.

– Я. Просил. Тебя. Оставаться. На месте. Так почему ты?.. – Дмитрий, не совладав с собой, грохнул по воротам кулаком.

– Прости, – я заставила себя подойти ближе. – Я боюсь оставаться одна.

Калитка, вырезанная в деревянном полотне ворот, открылась. Через перекладину перешагнула монашка. Пухленькая, невысокая, поверх рясы накинута серая вязаная кофта, в руках ведро. Сейчас как окатит помоями – в лучшем случае, худшее вообще представлять не хотелось. Демон не дал ей выйти, упёрся руками в доски проёма и вкрадчиво поинтересовался:

– Надеюсь, у вас есть на это, – он мотнул головой назад, – разрешение?

Женщина не стала ни охать, ни ахать, ни ругаться, ни махать руками. От снулого рыбьего взгляда, направленного сквозь псионника, мне стало не по себе.

– Не знаю, – злость псионника не произвела ни малейшего впечатления. – У настоятельницы спросите.

Взгляд женщины лениво скользнул на меня, и всё изменилось. Рассеянность в мгновение сменилась чёткостью. Это как навести фокус и щёлкнуть кнопкой фотоаппарата. Я ничего не делала, просто попала в кадр. Ведро упало и, громко дребезжа, покатилося по тропке. Монашка попятилась, прижав ладони ко рту.

Честно говоря, я перепугалась. Судорожно выдохнула и обернулась, ожидая увидеть за спиной всё, что угодно, от дикого зверя до восставшего из могилы мертвеца. Но поле было точно в таком же виде, что и пять минут назад. Никого и ничего.

Мгновение женщина таращилась на меня, а потом всхлипнула, перекрестилась и, подобрав полу чёрной юбки, побежала обратно на монастырское подворье.

– Вроде это ты их бояться должна, а не наоборот, – сказал Дмитрий, присматриваясь. Злость никуда не ушла, она плескалась в светло-серых глазах, готовая в любой момент развернуться и перерасти в ярость.

– По-моему, мужчинам сюда нельзя, – сказала я, поднимая ведёрко.

– Не мои трудности. Пусть охрану ставят, – сказал Демон и ступил на территорию монастыря.

За воротами начиналась широкая, мощённая плиткой дорожка, которая, постепенно разветвляясь, вела к разным постройкам. Когда-то они были белыми, но сейчас потемнели от времени и непогоды. Храм, колокольня, вытянутые одноэтажные бараки, несколько деревянных домов, которые я бы причислила к хозяйственным. Монастырский двор производил странное впечатление, я бы сказала, двоякое. С одной стороны, почти во всем чувствовалось спокойствие и величие. Здания дышали временем, древностью. Они стоят здесь очень долго и простоят ещё не один век. Хочешь не хочешь, а оробеешь. С другой стороны, везде были заметны следы различных работ, начатых, но словно брошенных на полдороге, часть стены побелили, часть нет, одна из мощёных дорожек вела «в никуда», обрываясь с левой стороны двора. Около деревянного сруба были сложены доски, когда-то свежеспиленные, сейчас потемневшие и разбухшие от влаги, тронутая ржавчиной пила валялась рядом.

Псионник стал методично обходить все постройки, пугая своим видом не только монашек, но и скотину. Не то чтобы от нас разбегались с криками и воплями, просто при приближении незнакомцев старались закончить или бросить все дела и уйти.

Из длинного приземистого здания показалась высокая сухопарая фигура в сопровождении двух других, поменьше ростом и постарше годами. В чёрных длинных одеяниях они напоминали шахматные фигуры, скользящие по выщербленным плитам двора. Ферзь и две пешки.

– Монастырь закрыт для посещений. Немедленно покиньте обитель, – возмущённо сказала высокая. Что-то мне подсказывало, настоятельницу мы всё же нашли.

– Я не в гости пришёл, – Демон на ходу вытащил цепочку и теперь небрежно повертел в руке.

– Мы не подчиняемся светской власти, – от возмущения кожа на угловатом лице женщины натянулась, лоб и впалые щеки заблестели.

– Вы нет, но для захоронений закон один. Документы на погост, имперское разрешение и список блуждающих. Немедленно, – скомандовал псионник.

Пешки, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся пухленькими старушками, не проронили ни слова. Настоятельница окинула взглядом двор. От любопытных ушей и глаз здесь не скрыться. Даже я кожей чувствую пристальное нетерпеливое внимание.

– Следуйте за мной, – процедила женщина.

Самая длинная, похожая на коровник постройка внутри оказалась обычной столовой. Вытянутые столы, лавки без спинок, белёные потолки. Одна из монашек, ещё недавно натиравшая пол, замерла, прижимая к груди мокрую тряпку.

Короткое распоряжение – и одна из старушек удалилась за документами. На спокойный диалог после выходки Дмитрия рассчитывать было глупо, но я почему-то думала, что монашка кинется на специалиста. Я ошиблась.

– Что дитя обители делает в миру? – она посмотрела на мой кад-арт. – Да ещё и в такой компании? – гневный взгляд в сторону Дмитрия.

Я молча убрала кад-арт под свитер. Что делаю? Кто бы мне объяснил сначала.

Ни малейшего желания ни слушать дальше, ни оставаться в обители не возникло. Скорее наоборот. Где эта пешка, тьфу, монашка с бумагами?

– Разве нет большего позора для родителей, чем неисполнение предначертания? И разве нет судьбы слаще, чем служение и вера?

Послушница с тряпкой в руках закрыла глаза и беззвучно зашевелила губами.

– Мы можем дать новую жизнь, дитя! Можем защитить! Мы живём в мире с умершими. Они не трогают нас, а мы их. То, что некоторые получают с рождения вместо предназначения, противоестественно, этого можно достичь чистотой и верой, – женщина подошла и взяла меня за руки. Негодование растаяло, его сменила мягкость.

– Прекрасно, но недостаточно, – голос псионника раздался возле уха.

Я не заметила, как он подошёл. Вторая пара горячих рук легла на плечи. Длинные шероховатые пальцы заскользили по куртке, гладя, разминая, лаская шею. Всего два удара сердца, и я забыла, где нахожусь и перед кем. Повинуясь лёгкому нажатию, я сделала шаг назад.

– Методика вербовки не отработана, – он встал, словно отгораживая от монахини. Говорят, тягаться с судьбой себе дороже. Хотя Семафор пытается и вроде добивается успехов, в смысле успешно спивается. – Сперва обличить, а потом подарить надежду. Пресловутые кнут и пряник. Но как-то сыровато выходит, матушка, – попенял Дмитрий. – Не тратьте силы. Она не останется.

– В храм ведёт множество дорог, – настоятельница выпрямилась, худая, длинная, почти одного роста со Станиным. – Она придёт. Пусть не сейчас, пусть не сюда, но придёт.

Вернувшаяся монахиня протянула настоятельнице тоненькую папочку из тёмно-синего пластика. Атрибут любой офисной конторы как-то не вязался ни с обстановкой, ни с её обитателями.

Дмитрий несколько минут изучал её содержимое, и на лбу пролегла озабоченная складка.

– Разрешение не продлено?

– Но и не отменено, – возразила настоятельница.

– Список усопших?

– Я не вправе тревожить покой сестёр, – удовлетворение, прозвучавшее в ответе монахини, не скрыть никакой смиренной позой.

– А они вас?

– Мы всегда жили в мире со всеми Божьими созданиями.

– У вас на погосте две установленные и разорванные привязки. Это что, тоже длань Господня? – Демон усмехнулся.

– Среди нас нет людей... ваших способностей. Откуда нам знать.

– Оттуда. Кто-то же их устанавливал, и я хочу знать, чьи это захоронения.

– Нет. Мы не позволим трогать умерших. Сёстры заслужили покой.

– Это отказ? – удивился псионник. – Официальный?

– Да.

– Что ж, – непонятно с чего, но специалист казался довольным, – к вечеру здесь будет бригада со всевозможными разрешениями, бумагами и штампами. Это кладбище опасно, так как имеет незарегистрированных блуждающих, и служба контроля обязана отследить хвосты. Советую запереть ваших впечатлительных сестёр, – он на мгновение задумался и предложил, – например, в колокольне.

– Вход в обитель запрещён!

– Ошибаетесь. Согласно бумагам, – Дмитрий поднял листочки, – погост и монастырь стоят на единой земле и являются одним культурно-хозяйственным объектом. Отвечать за всё вам, матушка, тут уж простым «не знаю» не отделаетесь.

– Вы не посмеете, – вот теперь ему удалось пронять её по-настоящему.

– Увидите.

Весь обратный путь Демон, целиком погруженный в телефонные переговоры, едва замечал меня. Станин кричал, уговаривал, ругался и отдавал распоряжения невидимым собеседникам. Он и вправду решил разворошить обитель. Я тоже набрала пару номеров с гораздо меньшей результативностью. В больнице заверили, что родители по-прежнему без изменений, непонятно только, утешают они меня или предлагают радоваться тому, что есть. А бабушка трубку не взяла.

[Купить полную версию книги](#)

Единица измерения пси-атаки, проникновения.